

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

УНИКУМЫ
ВСЕЛЕННОЙ-3

Уникумы Вселенной

Юрий Иванович

Уникумы Вселенной – 3

«ЭКСМО»

2012

Иванович Ю.

Уникумы Вселенной – 3 / Ю. Иванович — «Эксмо»,
2012 — (Уникумы Вселенной)

Телепортация. Мечта любой разумной цивилизации. Ведь тому, кто владеет способом мгновенного перемещения в пространстве, подвластны миры Вселенной. Но когда вы попадаете на планету и обнаруживаете на ней заброшенные, никем не используемые уникальные телепортационные устройства, впору задуматься, настолько ли велико могущество их создателей. Именно такое произошло с земной археологической экспедицией под руководством Александра Броди, самого известного из землян, человека, наделенного огромными полномочиями, ведь это именно он заключил союз с цорками и спас Землю от очередного уничтожения. Столкнувшись в мире адельванов с подобным необъяснимым парадоксом и пытаясь разобраться в его причинах, земляне оказались на краю собственной гибели. Долгожданное продолжение популярного сериала!

© Иванович Ю., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	31
Глава пятая	40
Глава шестая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юрий Иванович Уникумы Вселенной – 3

Пролог

Если разобраться, Сторож имел не только сложный порядковый номер с буквенной аббревиатурой, но еще в процессе своей постройки и отладки получил несколько имен личных от своих создателей. Но сам он любил, когда к нему обращались коротко, зато емко, Сторож. Именно это словоопределение наиболее точно определяло все те многочисленные функции, обязанности и задания устройства, которые возлагались на его плечи к выполнению. Да и задания можно было свести только к одной строчке: «охранять города от любых посягательств любых разумных или неразумных существ». Предыстория и причины таких задач были устройству неведомы, да и неинтересны, все его конструктивные возможности рассчитывались не на анализ действия своих создателей, а на исполнение их воли.

Причем исполнение скрупулезное и строгое.

Так, например, уничтожать всю живность следовало не сразу и не с любого количества, а когда количество разумных особей достигнет восемнадцати или сразу превысит это число. Создатели полагали, что десяток существ, к примеру, никогда не сможет стать репродуктивным и достигнуть уровня выживаемости вида. Сами вымрут. А значит, использовать для их истребления мощь искусственного интеллекта бессмысленно, как и задействовать подотчетные ему силы тотального уничтожения.

Про мистичность и особое почтение аделъванов к числу восемнадцать Сторож знал. Потому что оно состояло из суммы иных чисел: пятнадцать и три. Именно с пятнадцати представителей своего вида, попавших случайно в иную Вселенную, а также трех их союзников иной расы, помогавших на первом этапе, аделъваны выросли в единую и мощную цивилизацию. Пятнадцать тысячелетий длился расцвет этой цивилизации. Да и вообще числа три, пятнадцать и восемнадцать фигурировали и преобладали в большинстве не только деяний крупного масштаба, но и бытовых мелочей. Это уже не говоря о том, что каждый аделъван имел на руках пятнадцать пальцев. Ну а число три всегда суммировалось к пятнадцати так, словно заклинание счастья или краткая мысленная молитва.

Так что искусственный интеллект, призванный охранять покой планеты, знал прекрасно: меньше восемнадцати – это ничто, пустота и тлен. А вот восемнадцать и выше – это сила, опасность и преступное коварство, на которое следует реагировать немедленно.

И вот однажды устройства наружного наблюдения подали сигнал: к городу приближаются не просто существа, а существа разумные. Их внешнее сходство с аделъванами просматривалось сразу, хотя и различия невозможно было скрыть даже под одеждами. Проснувшийся Сторож вышел из технической полудремы и с воодушевлением стал готовиться к уничтожению приближающейся группы.

Каково же было его разочарование, когда он насчитал среди агрессоров только семнадцать особей, которые обладали живыми организмами, имели все признаки разумности и попадали под классификацию «объекты на немедленное уничтожение». Всего только одной особи не хватало для начала активных контрдействий!

А сканирование гигантских, довольно подвижных человекообразных роботов подтвердило предварительные результаты: обычные механические помощники, пусть и с несколько уникальными умственными, но все равно искусственными способностями. Они в категорию живых существ никоим образом не попадали. Пусть и гораздо опаснее любого существа, состоящего из плоти, но робот он и есть робот.

Вот потому Сторож и оказался разочарован: некие разумные границы, а то и просторы для проявления собственной инициативы у него имелись, но не настолько большие, чтобы проигнорировать магическое, основополагающее в жизни его создателей число восемнадцать. Пришлось опять приводить устройства наружного наблюдения в пассивный распорядок да заново переводить технические средства в энергосберегающий режим.

Только и оставалось – решить последний вопрос: впадать в положенную инструкцией спячку или все-таки, не надеясь на пассивные приборы наружного наблюдения, лично проследить за неизвестными, неведь откуда взявшимися существами? Да и маленькие пакости, опыты и эксперименты инструкцией не возбранялись.

Глава первая

Первые шаги в черту города

Археологическая экспедиция, а вернее сказать, весь ее подвижный состав замер метрах в ста от заброшенного города адельванов. Потому что вблизи здания уже не казались такими прочными, вечными и нерушимыми. Все-таки время, землетрясения, осадки и ветер не пощадили творения неведомых градостроителей. Да и некоторые рухнувшие строения только напоминали о необходимой максимальной осторожности. Ведь просто так, без предварительной разведки, да еще на такой тяжелой технике, да в сопровождении трех боевых киборгов цоркской цивилизации, войти парадным маршем в неизведанный город никакой благоразумный археолог себе не позволит.

Первая группа в составе пяти человек отправилась туда пешком. Тем более что погода благоприятствовала для прогулки: в меру облачно, легкий ветерок, температура плюс пятнадцать градусов по Цельсию.

Понятное дело, что возглавил группу Александр Константинович Броди, сорока одного года от роду и, пожалуй, самый ныне известный и прославленный на Земле не только как археолог, но и как человек с невероятными полномочиями, полученными от нового союза Хардии и Аларастрасии. Его поддерживали что представители империи, прожившие более шести тысяч лет во многих галактиках и вселенных, что цорки, одни из самых долгоживущих созданий, существующих в Большом космосе. Потому что так получалось: именно благодаря Броди удалось если уж не спасти Землю от очередного уничтожения древними сфинксами, то уж однозначно вывести ее на совершенно иной уровень по шкалам градации иных развитых цивилизаций. Прародине человечества теперь предстояла сложная интеграция в Большой космос, и заключение союза с цорками стало первой вехой на этом пути.

Вторым человеком в группе археологов была Лариса Ярославна Гершко-Броди, супруга вышеназванного Александра, обаятельная красавица двадцати четырех лет от роду. Совсем недавно она считалась в прежней экспедиции «госпожой генеральный спонсор», потому что именно на ее деньги и были организованы исследования того участка Ливии, где недавно провозгласила независимость вновь возродившаяся из пучины времени Хардийская империя. Сейчас Лариса уже не имела права распоряжаться всем и вся, но как профессиональный археолог была засчитана в состав нынешней экспедиции «заместителем руководителя, со всеми вытекающими обязанностями и правами».

Понятное дело, что этим выбором больше всего оказался недоволен третий член группы, Карл Пузин. Тоже всемирно известный археолог, уроженец Одессы, а ныне гражданин Испании, старый друг и приятель Александра Константиновича, Карл славился необычайной активностью, отличным чувством юмора и умением повести за собой любые толпы в любом наугад выбранном направлении. Причем направление чаще всего оказывалось правильным и единственно верным. Сейчас он всю дорогу от замершей техники до первого дома с пеной у рта доказывал несправедливость распределения некоторых штатных должностей, взывая к справедливости и совестливости:

– Ну как так можно, Санек? Как тебе не стыдно разводить семейственность на рабочем месте и потакать капризам своей разбалованной славой супруги? Ведь есть же специалисты и более заслуженные, имеющие несоразмерно больший опыт работ на нашем нелегком поприще раскрытия многовековых тайн древней истории.

– Кто, например? – бросил Броди в сторону друга вопрос, сам продолжая рассматривать здания, к которым группа приближалась.

– Как кто?! – патетически восклицал Пузин, тоже успевающий и под ноги внимательно смотреть, и по сторонам оглядываться. – Да вон хотя бы Оливер!

Старый и проверенный коллега Карла пока оставался в кабине одного из грузовиков, куда руководитель экспедиции тоже быстро оглянулся.

– Отличная идея, дружище! Обязательно над этим подумаю на досуге.

– Да что там думать?! Тем более что есть и более признанные, так сказать заслуженные, специалисты. А ты ведешь себя словно последний сноб и протекционист!

Александр Константинович и не думал краснеть от стыда или покаяния. Наоборот, с удовольствием и гордостью взглянул на свою молодую женушку, которая пока деловито помалкивала, и неожиданно похвастался:

– Ну да, моя супруга самая молоденькая, самая умная и сама красивая.

– Ну да, – тут же в тон продолжил Пузин, – попробуй ты скажи иначе, она сразу себе отыщет более молодого и пригожего принца на белом коне.

Лариса не выдержала и, переходя сразу в атаку, вмешалась в разговор приятелей:

– Карл! Не надоело даром языком болтать всякую чушь? Как ты свою Люссию всюду за собой таскаешь и потакаешь ей во всем, прощаешь ей всякие неприятности, то это нормально? А как меня за вклад в науку и удачное решение финансовых проблем мой муж назначил прикрывать ему спину – то это уже семейственность и протекционизм?

Только что названная Люссия, четвертый член группы, вскинула фотоаппарат и сделала серию фотоснимков своей недовольной подруги. При этом еще и прокомментировала:

– Ты такая интересная, когда сердиться.

– А почему она сердится? – не унимался подданный Испании. – Потому что правда глаза колет. Ну и совесть проснулась и терзает: «Как ты посмела воспользоваться своей близостью с самим Броди!»

Фамилию своего товарища он так перекрутил и растянул до неузнаваемости, что никто из группы не удержался от смешков. Карлу прощали любые шутки и любое ерничанье, да и все знали, что он так себя ведет, когда очень сильно волнуется. А тут и повод был более чем подходящий для истинного исследователя, чтобы сердце от томления остановилось: вот-вот нога человека ступит в места обитания неизвестной, таинственной цивилизации, о которой знали только ее имя – адельваны.

Волновались все, так что подобный разговор и отвлекал, и снимал ненужное напряжение. Даже обычно молчаливый и сдержанный Михаил, по кличке Кормилец, пятый член передовой группы экспедиции, заговорил, отсмеявшись:

– Какая большая трещина вон в той стене! – Его рука указала на здание справа, к которому люди приближались. – Неужели и в самом деле здесь настолько сильные землетрясения?

Но его вопрос остался без ответа, по той причине, что Карл Пузин переключил теперь внимание как раз на него, на самого массивного своего спутника.

– Кстати! А почему не назначили заместителем нашего уважаемого Михаила Степановича Днепрянского? Если уж на то пошло, то это именно он является в некотором роде прямым представителем основного спонсора, который выделил нам эту планету для обследования. Да и внешне он среди нас самый колоритный, сильный и величественный. Мало того, это его именем богиня Пеотия назвала эту планету: Миха. А что получается? Как был Кормилец на должности практиканта, так и остался? Да это беспредел нигилизма со стороны руководства!

Броди покривился в раздумье, словно припоминая:

– Господин Днепрянский у нас уже числится на должности старшего научного сотрудника при окладе доктора исторических наук. Так что ни о каком ущемлении его заслуг не может быть и речи. – После чего он замер на месте и с помощью бинокля стал просматривать более полно приоткрывшуюся перед группой улицу. – Может, мы ему еще и ставку старшего научного консультанта набросим.

Примеру руководителя последовали все, посматривая в бинокли, но и при этом его старый приятель не унимался:

– А вот это уже настоящий подхалимаж перед вышестоящими спонсорами экспедиции! И насколько я помню, эта ставка обещана лично мне.

– Ты определись, дружище, на чьей ты стороне, – несколько отстраненно рассуждал Броди. – То ты ратуешь за поднятие престижа и заработка Кормильца, то вдруг пытаешься с помощью скандала отобрать у него честно заслуженную ставку. Ко всему, совсем недавно Лариса справедливо напоминала: «Пузин явился к нам без приглашения и обзывался работать лишь за питание и возможность помахать лопатой». Так что не обессудь, коллега, для тебя только место практиканта осталось.

Могло показаться, что испанский археолог обиделся, настолько длинная пауза повисла. Но на самом деле он, как и все, тщательно рассматривал строения и пространства между ними, и только придя к какому-то выводу, сменил тему разговора:

– Понятия не имею, как мы там передвигаться будем? Издалека так все выглядело крепко и нерушимо, а тут такие провалы, осыпи, трещины и странные воронки. Похоже, подземные коммуникации в еще худшем состоянии, чем все остальное. Просто поражаюсь, как по этим местам могла бродить умом помешанная императрица Айни?

– Не забывай, что здесь полно лесов и открытых луговых просторов, – сразу возразила ему Люссия. – Так что, скорее всего, Айни гуляла именно там, в безопасных местах. А здесь... Хотя вон то, пятое здание по правой стороне не имеет внешне ни малейших повреждений.

Названное здание, и в самом деле из всех иных окраинных, смотрелось довольно прилично: четыре этажа, с большими террасами и верандами со всех пяти сторон, – больше всех напоминало землянам некие привычные формы и стандарты родной планеты. Да и окна там имелись все, пусть и несколько непривычной формы и ярко-бежевого оттенка.

Но руководитель экспедиции рассуждал несколько иначе:

– Спору нет, там вроде все цело и осмотреть попытаемся обязательно. Видимо, там широкий решетчатый фундамент потому и нет перекосов. Только вот для создания нашей основной базы следует выбрать нечто более прочное, массивное и вечное. А что здесь таковым выглядит?

– Небоскребы, – буркнул Пузин.

– Верно, практикант, верно. Теперь только выберем конкретное здание и проложим туда вначале пешую дорогу.

Его молодая супруга скептически отнеслась к самой идее создания базы возле гигантских зданий:

– Вы себе представляете, что от нас останется в случае падения такого домика?

– Ты лучше присмотришься, – советовал Пузин Ларисе. – И покажи мне хоть одно рухнувшее здание, которое можно назвать небоскребом. А? Вон, мелких – полно. До категории «средние» только парочка дотягивает. И гигантские стоят, и даже ни одно не накренилось. А все по той причине, что там наверняка совсем иные технологии закладки фундаментов применяются. Пока такая махина рухнет, все окружающие здания от времени рассыплются.

Броди посмотрел на Ларису и утвердительно кивнул:

– Ну да, где-то так и я размышлял. Теперь давайте сместимся на другую улицу.

Как таковыми улицы города ими не являлись. Скорее на глаза попадались открытые пространства между домами, построенными хаотично и беспорядочно, которые проживавшие тут когда-то аделъваны использовали как угодно, но только не для наземного транспорта. Наверняка и подземные коммуникации были, но вот вокруг стен, скорее всего, могли садиться или приземляться только летательные устройства. Причем весьма легкие и явно не межпланетного сообщения, потому что покрытие просматривалось весьма тонкое, во многих местах проломленное, по большей части наглухо заросшее травами, вьющимися растениями и низкорослым, можно сказать, стелющимся кустарником.

Именно на последний вид растений обратил в первую очередь внимание испанский археолог, когда группа, сдвинувшись правее, стала просматривать тамошние территории.

– У меня такое впечатление, что эти кусты кто-то подстригает и не дает им вырасти выше определенного роста. Да и по всей логике, лесные великаны давно были обязаны здесь прижиться и разрастись во всей красе. Ветер-то в любом случае с лесистых холмов сюда семена заносит.

– На околице вообще ничего не растет, – многозначительно добавил Броди, ткнув носком своего ботинка еле заметное травяное покрытие под ногами.

– Неужели сюда направлено какое-то опасное излучение? – беспокоилась Лариса, приглядываясь к показаниям универсального прибора, висящего на груди. – Ничего не фиксируется.

Руководитель экспедиции пультом управления призвал к себе одного из боевых киборгов и поставил ему задачу: обследовать околицы города на наличие любых видов радиации, не приближаясь к зданиям.

Глядя на громадного киборга, высказал свою мысль и Михаил Днепрятский:

– Вдруг здесь никого живого не осталось, зато ночами выползают из щелей роботы и пытаются вести уборку города? На все у них сил не хватает, а вот кусты до сих пор стригут.

– Молодец, Кормилец! – с пафосом похвалил его Карл. – Отныне можешь смело проставить у себя в графе «премиальные» большую жирную птицу, которая обозначает гениальную идею, тянущую на ставку доктора наук. Пусть твой шеф обзавидуется, да и практиканты – тоже.

За смущающегося парня заступилась Люссия:

– Идея и в самом деле отличная. Ведь кто-то же кусты подстригает. Так почему бы и не роботы? Причем не обязательно большие, а с локоть. Ведь остальные просто не смогут выбраться из обвалившихся подземелий.

Пока Пузин радостно смеялся, стал рассуждать Александр Константинович:

– Да нет, роботы сюда никак не вписываются. На то техника и предназначена, чтобы все стричь под одну гребенку. А так разница сразу видна: что здесь, а что там. Да и между домами высота травы и кустарника несколько разнится. Так что тут либо некое излучение специального толка, либо неведомые микроорганизмы.

– Пеотия убеждала, что здесь даже микробов нет, – напомнила Лариса Ярославна.

– Даже богиня может ошибаться, – философски ответил ее муж, пользуясь уже вторым пультом. – Пускаем впереди себя одного киборга. Пусть и дорогу прощупывает, и подземные коммуникации начинает сканировать своими приборами. Все равно мы биноклями ничего лучше не высмотрим.

Второй киборг приблизился к людям, получил еще кучу от них словесных инструкций и рекомендаций и после этого двинулся по так называемой городской улице. Немного подумав, руководитель экспедиции добавил в передовую разведку и последнего киборга, поясняя свои действия желанием подстраховать ценных помощников:

– Если один провалится, второй поможет ему выбраться на поверхность.

– Ага. Смотря куда провалится, – заметил резонно Карл. – Но что-то самый первый наш помощничек слишком уж носом землю роет. Неужели что-то обнаружил?

Вывели на дисплей показания от робота, проверяющего местность на наличие радиации. Там и в самом деле сообщалось, что некое излучение здесь присутствует, к тому же весьма интенсивное. Но вредно оно лишь для флоры, – представителям фауны, по предварительным утверждениям киборга, ничего не грозит.

– Как же не грозит, если на планете даже микробов нет? – удивлялась Лариса. – Что-то или кто-то их в любом случае периодически уничтожает, иначе что-нибудь да развелось бы на этих землях за такое долгое время.

Она имела в виду, что на падающих в атмосферу метеоритах и прочих космических скитальцах чего только не выживает в вакууме и сверхнизких температурах. Если за несколько веков по стечению невероятных обстоятельств никто не приживется в здешней экзосфере, то уж за несколько тысячелетий простейшие просто обязаны были появиться.

На эту тему лучше всех был проинформирован Броди:

– Опять повторяюсь: наша ветреная богиня Пеотия и ошибаться может, и просто утверждать подобное по недосмотру. Сама тут была всего несколько раз, даже вон верхние слои атмосферы не проверяла как следует. А вдруг там некий слой вокруг планеты, уничтожающий все живое?

– Тогда сюда только и можно телепортацией добраться, – резонно рассуждал Михаил. – Иначе космонавты на космическом корабле при посадке тоже бы погибли.

– Ну да, если у них определенной защиты не будет.

– Верной дорогой идете, товарищи, – похвалил Пузин коллег за такие рассуждения. – Теперь нам в подтверждение ваших идей останется разыскать несколько космических корабликов со ссохшимися тушками астронавтов.

Свои идеи подала и Лариса:

– Какая жалость, что у нас нет летающих зондов для дальней разведки и для исследования атмосферы. Так бы они летали во всех направлениях и собирали ценнейшую для нас информацию. Наши долгожители Хардийской империи либо не продумали этот вопрос, либо специально не дали нам подмогу с воздуха. Скорее всего, последнее, потому что при их возможностях у нас могла быть любая техника.

Пузин дружески ткнул своего товарища кулаком в плечо:

– Ну что я тебе говорил? Балованная у тебя жена! Забыла, что в археологии важна не техника, а маленький совочек и набор щеточек под рукой. А ты ее в заместители по благу устроил. Э-эх!..

Александр Константинович посматривал на свой виртуальный экран, который завис у него на уровне живота, и пытался разобраться в формирующихся там линиях подземных инфраструктур.

– Да нет, против такой техники, что у нас, грех возражать. Хотя и Лариса права: летающие зонды нам бы оченьгодились. А вот по поводу совочка... Что-то мне не нравится передвижение наших киборгов между домами. Слишком они осторожно и медленно двигаются. Судя по сканированию, под землей и в самом деле чего только не настроено.

– Ну и что тебя терзает? – недоумевал Карл. – Будет нам что раскапывать.

– В том-то и дело, что следовало бы прямо с этого вот места, где стоим, и начинать раскопки. А только потом двинуться дальше. Но странные лучи, оставляющие здесь только тонкий слой травки, мне покоя не дают. Для фауны они, может, и не вредны, а вот для гомо сапиенс...

После чего участие в споре приняли все четыре археолога. Мнения несколько разделились. Броди с Пузиным хотели прорываться к ближайшему небоскребу и уже там приступить к первым осмотрам. Тогда как Лариса и Михаил пытались присоветовать податься именно в то широкое приземистое здание или, в крайнем случае, попробовать снять верхний слой покрытий и грунта над открытыми пространствами между домов. При этом споре Люссия помалкивала, зато почти не прерывала свою работу ее фотокамеры. Уж очень прославленная фотокорреспондент любила вот такие интенсивные дебаты фиксировать для истории, а потом давать к ним свои особые комментарии в сопроводительных статьях.

Понятное дело, что в споре победил опыт и неумолимый авторитет старых ветеранов археологии. Тем более что к тому времени парочка киборгов уже преодолела больше половины расстояния к выбранному объекту. А раз путь проверен такими тяжеленными роботами, то и люди могут свободно передвигаться по проложенной тропе. Коротко переговорив с Оливером, который оставался с колонной транспорта за старшего, Александр Константинович так и дви-

нулся по городу первым, не доверив это почетное право даже своей любимой и разбалованной супруге.

Преодолели половину пути, составляющую метров шестьсот, и вновь сделали остановку, рассматривая открывающееся перед ними здание уже более полно и с иного ракурса. Тогда как боевые киборги чуть впереди продолжили «протаптывать» первую тропу за неизвестно какое количество лет. Ну а между членами передовой группы опять разгорелся диспут на тему «Что это такое и для чего служит?».

Ибо громадное здание никоим образом не смахивало на жилой комплекс. С этим все согласились единогласно. Да и какое разумное существо станет жить в таком неудобном во всех отношениях строении? Куполообразные участки лепились друг на друга без всякой системы или целесообразности. Во все стороны торчали какие-то шпильки разной толщины, длины, раскраски и структуры. Провисали странные трубы и перекрученные полоски из непонятных, но, скорее всего, не поддающихся никакой коррозии сплавов. Местами между полукруглых выпуклостей просматривались столбы, колонны с многочисленными гранями разной ширины. То есть полный гротеск или абстракционизм архитектурного гения.

– Это памятник, не иначе, – решила Люссия. – Причем памятник тем, кто погиб в ужасной катастрофе.

– Да нет, скорее всего, это – развлекательный центр для детей, – возразила подруге Лариса Гершко-Броди. – Правда, несколько специфической центр, скорее всего, нечто из серии «Замок страха».

Кормилец имел свою версию:

– Мне кажется, это музей, в котором аделъваны выставляли образцы флоры и фауны из других миров. Слышали, что Чинкис рассказывал про свой личный музей на Аларастразии? Потом и Райгд загорелся построить нечто подобное на Земле в планетарном масштабе. Так вот, это здание – самое оно. И запоминается, и впечатляет.

– Ха! – не соглашался со всеми испанский археолог. – А почему вы забываете главный постулат любого грамотного продавца: «Реклама – двигатель торговли!»? Скорее всего, тут самые шустрые, можно сказать – местные одесситы, и подсустились. Наверняка и надпись соответствующую на фронтоне отыщем: «Только у нас! Не пропустите скидки!» Ко всему прочему, мою версию косвенно подтверждает и тот факт, что здание находится на окраине, как и все уважающие себя торговые центры. И присмотритесь, сколько вокруг свободного места для парковки летающих тарелок. Или на чем тут местные аборигены летали?..

– Не обязательно на тарелках, – фыркнул смехом Броди. – Скорее всего, аделъваны умели телепортироваться куда им только вздумается. Точно как наши древние люди из Хардийской империи. По крайней мере, в пределах этого города могли существовать многочисленные линии телепортационных перемещений. Ну а для дальних перемещений и был построен вот этот передающий комплекс. Или ретранслятор. И все эти торчащие в стороны штыри не иначе как дополнительные отростки антенн. Да вы сами присмотритесь!.. И скорее всего, тут вокруг не парковки были, а цветущие сады и многочисленные клумбы с экзотическими цветами.

– Верно! – сразу поддержала его супруга. – Высшие цивилизации несомненно украшают пространства между домами лишь самыми прекрасными и дивными цветами.

– Ага-ага, попробуй на ее месте не поддакни руководителю, – вроде как себе под нос, но чтобы слышали все, бормотал Карл Пузин. – Сразу из заместителей выгонит в практиканты. И это в лучшем случае.

Лариса хотела возразить коллеге чем-то задиристым, уже и улыбнулась с предвкушающей мимикой, да тут случилось неприятное происшествие: на глазах у почтенной публики один из великих, непобедимых киборгов вдруг провалился вниз вместе с участком грунта, на котором стоял. Поэтому женщина воскликнула:

– Там ловушка! – После чего немного смутилась и пояснила причину восклицания: – Как иначе эта боевая машина могла бы так опростоволоситься?

С минуту все визуально наблюдали за действиями второго киборга да пытались высмотреть на экранах переданные кадры как снизу, так и с краю провала. При этом оживленно болея за своих помощников и пытаясь дать верные подсказки.

К счастью, ни ловушки, ни глубокой пропасти внизу не оказалось. Восьмиметровый гигант провалился в некое складское помещение, метров двадцати в высоту. На металлических стеллажах там возлежали многочисленные поделки, очень похожие на двадцатилитровые бочонки из неизвестного материала. Скорее всего, из пластика или специально обработанного дерева. То есть киборг завалился вниз весьма удачно, амортизировав падение и превратив стеллажи с поделками в мешающую подняться кашу обломков. Ни жидкости, ни газа, ничего иного в бочонках не оказалось. Зато вот с выемкой своего коллеги наверх пришлось роботам повозиться. Для этого к провалу и второй киборг подался, и только общими усилиями они вытащили многотонное оружие наверх.

После чего и люди позволили себе приблизиться и присмотреться более тщательно. Склад как склад. Разве что слишком узенькие проходы между стеллажами. Но наверняка там когда-то работали специальные доставщики-распределители. А вот загадку, что это за бочонки и для чего предназначались, раскрыть не удалось. Даже после того, как несколько уцелевших довольно легких предметов были подняты наверх и ошупаны руками. Хотя и тут не обошлось без нескольких весьма интересных предположений.

– Может, это ячейки для почты? – сама спрашивала и сама же себе отвечала Люссия. – Да нет, щели для писем ведь нет. И жидкость в этом хранить нецелесообразно: герметичность подкачала.

– А мне кажется, это обычные табуретки, – утверждал Михаил, в честь которого богиня Пеотия и назвала эту планету Миха. – Помните, подобные раньше продавались? Удобные, и внутрь мелкие вещи можно сложить. Здесь вон тоже крышка отвинчивается...

Несмотря на множество иных предложений, гипотезу Кормильца признали самой жизненной и близкой к логике. Даже Пузин перестал насмехаться над молодым коллегой:

– Соображаешь. Но тогда получается, что там, где-то внизу, и производство этих табуреток находится. Спускаемся вниз для осмотра?

Вопрос уже адресовался руководителю экспедиции. Но тот, присматриваясь к киборгу, который приближался к диковинному небоскребу, не стал распыляться на мелочи:

– Да шут с ними, с этими табуретками! Надо как можно быстрее ретранслятор осмотреть. Да и расположиться всей экспедиции уже давно пора постоянным лагерем... Двигаем!

Судя по действиям киборга, он отыскал вход в здание и теперь со всей своей хитростью, опытом и изобретательством пытался вскрыть возникшую перед ним преграду. Мир адельванов медленно и неохотно открывал свои тайны для людей с далекой Земли.

Глава вторая

Новоселье

Пока один из киборгов, сложившись плоским щитом между колоннами входа, мудрил над разгадыванием системы вскрытия, двое его коллег исследовали солидный по площади пятачок перед ступеньками и прилегающие ко входу стены. Какие-то коммуникации с помещениями даже под слоем нанесенной земли и толстенной плитой просматривались, но вот материалы были очень необычные с виду. Так и казалось, что данное здание строили не только в ином стиле, но и совсем иные ученые с некими экспериментальными целями.

Могло оказаться, что здесь банальная тюрьма или сугубо научный объект, в которые изначально запрещался вход любому постороннему существу. Но ведь даже в таких случаях должен иметься некий парадный вход как для провинившихся, так и для самих исследователей. Тем более что к входу поднимались во всю ширину пять ступенек, а за матовой поверхностью дверей просматривалось просторное фойе, по сторонам которого виднелись вполне обычные лестничные пролеты и некие прозрачные створки, прикрывавшие просторные кабинки лифтов.

Археологи старались не мешаться под катками и манипуляторами роботов, став чуть в сторонке и интенсивно обсуждая подаваемые на экраны сведения. Толстенная плита под ногами казалась приваренной намертво к главным несущим стенам здания. Ну а вполне стандартная высота ступенек позволяла предположить рост аборигенов, вполне сходный с человеческим. Сам же материал не поддавался осмыслению, и первые его пробы ничего не говорили даже произведенным цорками аналитическим устройствам. А ведь в их память были вложены знания о тысячах, миллионах иных галактик. И отсутствие результатов навевало нехорошие мысли. Причем мысли эти довольно жестко высказала Лариса:

– А ведь мы с Михаилом оказались правы! Следовало нам начать исследования в выбранном четырехэтажном здании. Как говорится: меньше откусишь, быстрее пережуешь и не подавишься при этом. А вас, мэтров архитектуры, все больше на самое броское да несуразное тянет. И что в итоге? Вон уже и сообщение пришло: «Целесообразнее вскрыть проход с помощью взрыва или силового удара». Ха! Да лучше бы нам не боевых, а исследовательских киборгов дали.

– Ярославна, не все так мрачно, как тебе кажется. – Броди несколько вяло пытался успокоить супругу. – Времени у нас хоть отбавляй, мы никуда не торопимся. Да и взрывать этот неизвестный материал, конечно же, не станем. Мало ли что в ответ может случиться.

– Да что там случиться может? – кипел желанием немедленно прорваться внутрь именно этого здания Пузин. – Подрывать надо! Или проламывать массой! Немедленно! Или вы боитесь, что сработает пожарная сигнализация?

Но с ним никто не соглашался, и даже Кормилец басил с возмущением:

– Раз так тщательно закрыто, значит, причины для этого веские имелись. Посторонних тут не жалуют. Вдруг здесь и в самом деле тюрьма строгого режима располагалась? Зато, может, все остальные здания нараспашку стоят?

Вот потому и приняли решение начать исследования с более мелкого здания, из тех, которые приличней выглядели и лучше сохранились. Возле «Шипастика», как единодушно окрестили диковинный небоскреб, оставили все того же киборга возиться с подбором электронных отмычек. А всем остальным составом отступили к тому самому четырехэтажному зданию, на которое изначально указывала главный фотокорреспондент экспедиции.

Начали исследования со двора, определив, что покрытие прочное и опасных ловушек в виде провалов внизу сканеры не нащупывают. А вот парадный и два вспомогательных входа

внутри здания оказались тоже заблокированы намертво. Причем системы опознавания хозяев не поддавались никакой расшифровке по той причине, что ни крохи энергии в обводе здания не просматривалось.

– Или у них совсем иной вид энергии, нами не ощущаемый, либо тут уже давно все разрядилось, – после получаса бесполезных попыток аккуратно вскрыть прочное здание констатировал Броди. – Следовательно, идем напролом. Уж изнутри здания потом как-нибудь раскумекаем, что куда и откуда. Ломай! Только как можно аккуратней!

Последние приказы он отдал киборгу, когда люди отошли метров на пятьдесят, да еще и встали под прикрытия угла иной постройки. Треск, хруст, а через пару минут и полный доклад от роботов, мобильные модули которых живо обследовали все четыре верхних и два подвальных этажа здания: «Полное отсутствие охранной сигнализации или противодействия вторжению. Найденные приборы обесточены, освещение отсутствует. Опасности для людей нет».

Первым в раскрытые створки постарался втиснуться испанский археолог одесского происхождения.

– Дамы и господа! Прошу вперед батки в пекло не лезть! Мало ли что тут может отыскаться на ваши головы, – бормотал он, довольно быстро рассекая просторный холл во всех направлениях. – И что? Где мебель? Где бесценные картины и редкие музыкальные инструменты? Где сгнившие остатки уникального коврового покрытия на полу? Неужели хозяева этого дома никогда не принимали гостей? Не поверю! Иначе они вообще никогда в городе не согласились бы проживать.

На что резонно ответила Люссия:

– Мало ли какие традиции приема гостей существовали у адельванов. – Все остальные четыре члена группы держались плотной кучкой и посматривали на Пузина так, словно тот сейчас будет проглочен стенным выступом. – Вдруг они, встречаясь с гостями, укладывались на пол и проваливались в бездну медитации? При этом им мебель или музыка только помешать могла.

– Слишком хитро и нецелесообразно, – отмел Пузин подобную идею, останавливаясь перед вполне себе нормальной лестницей, ведущей на верхние этажи. – Если выяснится, что они еще и кроватей не имели, я буду в этих туземцах очень разочарован. Поднимаемся?

Двинувшийся за ним следом Александр Константинович продолжил философские рассуждения фотокорреспондента:

– Мы ведь даже не подозреваем, как туземцы могли выглядеть. Вдруг они птицы? И тогда зачем цапле, спрашивается, кровать, когда она спит стоя на одной ноге?

– М-да? – Карл уже стоял на втором этаже, который почти весь был занят просторной комнатой с несколькими возвышенностями по центру, весьма напоминающими импровизации из диких камней. – Если здесь жили цапли, то на каждом углу должен стоять кувшин с рисом или пшеницей. Или с овсом?.. Что там едят эти пернатые больше всего?

– Червячков! – на полном серьезе пробасил сзади Кормилец. И тут же получил от бойкого на язык мэтра археологии очередную шпильку:

– Ну да, ты ведь лучше всех знаешь, чем следует кормить цивилизованных разумных.

Собрались возле первого нагромождения и долго спорили о его предназначении. Нечто в виде стилизованного под ручеек или под фонтанчик устройства, в верхней части которого вытекала вода, затем по сложным поворотам русел с водопадами спускавшаяся вниз и вливавшаяся в озерцо на уровне пола.

– Наверное, это не что иное, как водопой для проживавших здесь цапель, – глубокомысленно начал руководитель экспедиции. – Буду бороться за присвоение этим птицам имени «Карлавин Пузинос экспансивный непоседливый». И сомневаюсь, что слово «разумный» в этой классификации будет уместным.

Его друг продолжил тем же тоном:

– Наверняка этажом выше мы обнаружим и кормушки аборигенов, на которых крупными буквами будет написано: «Старики, дети и Броды питаются вне очереди!»

Приятель сделал вид, что обиделся:

– Буду я еще всяких стариков Пузиных вне очереди пропускать.

Третий этаж оказался разделен на девять небольших комнат, которые ничем, кроме как спальнями, и служить не могли по умолчанию. Но опять-таки ни самой мебели, ни ее остатков, ни даже пыли от, возможно, истлевших одеял не просматривалось. Только голые стены, сделанные из не поддающегося времени разноцветного материала. То есть ни штукатурки, ни побелки, ни покраски. Разве что на потолке виднелись некие отверстия, по которым, скорее всего, и подавался свет в жилые помещения. Возле окон, а вернее их диковинного подобия, не отыскалось ни выключателей, ни каких иных приспособлений для открывания.

Несколько иначе смотрелся самый верхний этаж. Там имелись три разделенные стенами комнаты неправильной формы. Но вот в каждой было большое окно, примерно в треть потолка. А возле каждого окна вполне понятный в применении рычаг. То есть здесь процесс открывания проходил вручную. Другой вопрос, что окна более чем на две трети были засыпаны песком и растительным мусором, открывать их сейчас не было ни возможности, ни необходимости.

Поэтому археологи поспешили в подвалы, опять расходясь во мнении о сути всего города в целости и данного дома в частности. Складывалось такое впечатление, что строения тут возвели, а потом наглухо законсервировали, так и не прожив здесь ни часа. Понятное дело, что следовало и в других домах хорошенько осмотреться и покопаться тщательно в руинах, но все равно недоумение так и прорывалось в словах спорщиков.

– Город могли построить роботы по единому проекту, а потом отправиться, куда их там отправили. Потому что ни единого следа пребывания здесь разумного существа мы пока не обнаружили.

– А вдруг случилась катастрофа? И обитателям планеты пришлось спешно эвакуироваться?

– Тоже полная ерунда! В таких случаях мебель с собой не забирают, ее дешевле будет создать в ином мире. Личные, памятные вещи, документы и драгоценности, еще некая мелочь – вот и весь список межзвездного переселенца. А при катастрофе все это помещается в один рюкзак.

– Опять-таки: а вдруг они переселялись с помощью телепортации? Вдобавок себестоимость подобного переноса – сущие копейки. Почему бы тогда не забрать все? Вплоть до плинтуса?

– Э-э-э! Так и дома все перенести можно... вместе с городом! И планетой!

В подвалах оказалось еще интереснее. Первый уровень, правда, ничем не привлекал: все те же пустынные комнаты с голыми стенами, а вот самый нижний уровень, разделенный на четыре равновеликие комнаты, сразу подтолкнул мысли землян только в одном направлении:

– Телепорты!

Если уж кто не воскликнул этого слова, то очень четко о нем подумал. Да и как следовало называть сходящиеся к центру сужающиеся окружности, как не местом для переноса адептов в иные миры? Каждая окружность была выложена разноцветным камнем, весьма походившим по текстуре на мрамор. Все-таки неизвестные строители иногда использовали природные материалы в отделке особо ценных помещений.

Хотя та же Люссия, сработав под сотню фотографий, решила встать на колени и ощупать пол руками. Она больше всех сомневалась, что под ногами у нее мрамор. Но сделать это не успела, оттащенная под локти за край цветных окружностей.

– Опять на неприятности нарываешься? – шипел в одно ухо Пузин.

– А ведь сколько уже было «последних» предупреждений? – укорял в другое ухо и Броды. – Вдруг это и в самом деле телепорт и он работает? Выходишь на определенный круг,

останавливаешься на искомой окружности – и тебя переносит именно туда, куда ты и соби-
рался.

– Энергии в доме нет! – зло вырывалась из рук мужчин корреспондент. – Здесь ничего
не работает!

– Может, мы просто включить не можем? Или команду голосом подать не умеем? А вдруг
запуск состоится только при определенной массе существа? Или после облачения в опреде-
ленную одежду?

Слушая перечисления Александра Константиновича, Кормилец припомнил данные ему
богиней напоследок инструкции:

– А мне Пеотия тоже сказала, что мы наверняка отыщем здесь устройства для телепор-
тации. Но убеждала, что действовать ни одно из них при переносе с этой планеты на иную не
сможет. Что-то она здесь еще при доставке Айни высмотрела и пришла к таким выводам. Но
советовала все подобные находки регистрировать, изучать и делать подробные описания.

– Ну вот видите! – Раздраженная Люссия вырывалась из рук примолкших друзей и смело
пересекла парочку окружностей по диагонали. – Если уж я уверена в безопасности, то со мной
ничего не случается. И только при спешке...

– А сейчас ты не спешишь? – сомневалась в действиях подруги Лариса. – Если уж наш
Миха такой уверенный, то пусть он первым и пробует.

– Легко! – согласился бесшабашно здоровяк. – В крайнем случае если меня куда-нибудь
забросит, то Пеотия все равно разыщет.

На руководителя экспедиции он все-таки при начальных шагах косился, но, не услы-
шав запрещающих слов, со всей решимостью стал топтаться по разноцветным окружностям.
Постоял в центре, даже попрыгал на месте. Потом делал остановки в произвольно выбранных
местах, садился на пол, трогал его руками.

Ну и вслух делился своими наблюдениями:

– В самом деле, тут все и давно обесточено, а значит, работать никак не сможет. Мало
того, мне кажется, эти телепорты вообще ни разу не использовались, а то и вообще недостро-
ены. Да и вообще, почему бы не предположить, что здесь банальное место для танцев? Вдруг
здесь по вечерам молодежь должна собираться и отплясывать какую-нибудь самбу?

– Ага! Прямо вот так четыре одинаковые комнаты? – не скрывал своего скепсиса Броди. –
И все для танцев? Не лучше ли для этого дела иметь одну, но просторную?

– Может, и лучше. Но вдруг у них агорафобия? Вот чтобы не бояться открытого про-
странства, они и наделали перегородок... О! – Здоровяк как раз сидел на полу и шупал его
руками в самом центре окружностей. – А это и в самом деле не мрамор. Тот был бы несколько
прохладней. Только внешнее сходство.

Тут уже и все потянулись пощупать руками и составить личное мнение.

– В самом деле, больше на пластик похоже.

– Или на твердое дерево.

– Может, отколом кусочек для пробы и анализа?

– Ну и зачем портить сохранившееся имущество, если вокруг столько развалин? Что-то
мне подсказывает, что там тоже вот таких «танцплощадок» отыщется предостаточно.

Потом по рации попытались связаться с поверхностью и только тогда поняли, что здеш-
ние подвальные перекрытия наглухо отсекают любую традиционную для землян коротковол-
новую связь.

– Ну вот, в любом случае откалывать кусочки придется. – Пузин уже и молоточком при-
мерялся, как удобнее отколоть краешек дверного проема. – И тут, и там... и везде.

Но Броди придержал товарища за руку:

– Лучше уж там. Ломать всегда легче. Тем более что место для базы здесь и в самом деле
вполне подходящее. Что скажете? Обустраиваемся?

Спрашивал он всех, хотя смотрел при этом на супругу, которая уже во второй комнате ощупывала руками центр окружностей. Ну та как бы за всех и ответила:

– Вполне хорошее и уютное место. Чур, моя самая верхняя комната с видом на лес.

Тогда как более практичный Пузин помотал головой:

– Не нравится мне здесь. И хуже всего, что ни одного санузла не обнаружили. Будете с горшками бегать на улицу?

– У нас есть биомодули, – напомнила госпожа Гершко-Броди. – Установим на каждом этаже.

– И никакого подобия кухни.

– Устроим наши котлы, с питанием от генератора прямо на террасе, если будет позволять погода, там же и пообедаем.

– Ну и сам сон в таком здании может быть чреват негативными последствиями, – не сдавался Карл. – Мало что здесь нам приснится?

Но и заместитель руководителя экспедиции на все имела готовые ответы:

– Первые ночи здесь будут спать только добровольцы в окружении приборов. Самые трусливые практиканты-перестраховщики будут отдыхать в жилой будке грузовика.

Пузин заговорщицки подмигнул другу:

– Ну нет, будки у нас только для женщин, практикантам там не место! – Но, получив в ответ только насмешливое фырканье от обеих женщин, поинтересовался у Ларисы: – И что ты там все этот пол выщупываешь?

Та и в самом деле прощупала ладошками центр уже в третьей комнате и отправилась в четвертую. Там деловито уселась на пол, тоже пощупала его ладонями и стала доставать из футляра прибор измерения температуры.

– Да, вот теперь просто уверена, что в этой комнате пол наиболее теплый. Сейчас только и осталось удостовериться в этом с помощью прибора.

После чего уже и все остальные члены группы забегали по комнатам, прикладывая ладони к полу в разных местах. При этом мнения у всех оказались разными: на звание самого теплого пола претендовало сразу три комнаты. Единодушие было только в одном: первая комната наиболее прохладная.

Но еще больше все удивились, когда беспристрастный прибор показал совершенно одинаковую температуру во всех четырех помещениях. Отличия в сотые доли градуса в расчет не шли: сквозняки и минимальные перепады из-за этого никто не отменял. Зато эффект был налицо и хорошо чувствовался ладонями: разница температур существовала.

А что может быть интереснее, чем решение заковыристой загадки? Вот и начался научный спор, а вернее, более полное и тщательное исследование. И вскоре таки отыскали некую закономерность. Изначально ведь все пощупали пол только в одной комнате. А уже потом – кто в какую забрел. Из чего выстраивалась четкая, логическая последовательность: с каждым последующим прощупыванием пола в ином помещении рукам казалось, что температура возрастает. Причем достаточно возрастает, примерно на полтора градуса. Общая разница между первыми кругами и последними в итоге составляла около шести градусов. Опять-таки только по ощущениям!

Что заставило Пузина радостно воскликнуть:

– Мы явно разбудили и теперь чувствуем некое излучение! И оно нас даже различает!

Но теперь сильно обеспокоился руководитель экспедиции:

– Только этого нам не хватало! Вдруг мы начинаем инициировать запуск телепорта в рабочий режим? И вскоре начнем все-таки куда-то перемещаться?

– Так это же здоровски! – заулыбался Михаил. – Сможем, как Пеотия и все остальные хардийцы, перемещаться куда пожелаем.

– Ничего тут «здоровского» нет! – строго осадил его Броди. – Тем более что перенести нас может ну совсем не туда «куда пожелаем». Немедленно поднимаемся наверх!

Здоровяк хотел было поспорить еще на эту тему, но, видя, как безропотно подались наверх Пузин, а за ним и женщины, пожал плечами и тоже подчинился. На первом этаже связь с колонной транспорта и с киборгами возобновилась, поэтому уже расслабленно и спокойно можно было пообщаться и подумать, что делать дальше.

Оливер докладывал, что у них там относительно спокойно, если не принимать во внимание стремительно ухудшающуюся погоду. Резкие порывы ветра гнали низко нависшие тучи, которые вскоре обещали пролиться обильным дождем.

Два киборга, обследовавшие здание по всему периметру и участок улицы до самой окраины, дали подтверждение, что колонна может спокойно добраться сюда и расположиться чуть ли не на веранде нижнего этажа. Кислотных дождей здесь, по предварительным анализам, быть не должно, но загнать хоть часть техники под крышу посчитали предпочтительнее. Так что последовала команда на движение колонны по размеченной роботами дороге прямо к зданию, и вскоре в нем уже царил шум делового размещения и подготовки к первому, как решили его назвать, торжественному обеду.

Ну и попутно каждый выбирал себе подходящую комнату на третьем и четвертом этажах. Спускаться в подвал кому-либо Броди пока запретил строго-настрого.

Также последовал запрос третьему киборгу, который продолжал возиться с разблокировкой входа в небоскреб «Шипастик». Процесс вскрытия двигался очень медленно, но аналитические программы боевого робота уже повысили возможность удачного вскрытия до двадцати трех процентов. А значит, некие алгоритмы уже были найдены, и оставалось только не торопить события.

Ну и, пока готовился обед и накрывался стол в холле первого этажа, полным ходом шло расселение по выбранным комнатам. Так как Лариса выбрала комнаты наверху, то первым делом возжелала иметь возможность открыть окна, а для этого их следовало вначале очистить снаружи от нанесенного песка и мелкого мусора.

К выполнению этого задания приступила пара оставшихся роботов, которые с помощью выдвижных манипуляторов закинули на крышу малогабаритные многофункциональные модули. Те и приступили к уборке мусора, а также к проверке крыши и чердачных окон. То есть работа в здании кипела вовсю, и каждый член экспедиции был занят делом, мечась между установленными на открытой веранде машинами, холлом первого этажа и своими комнатами.

Александр Константинович тоже решил успеть до обеда загрузить в подвал несколько дополнительных устройств на самоходной основе. Для этого он взял в помощь испанца Мануэля, который слыл бонзой в программировании данных устройств. И уже внизу принялся объяснять стоящую задачу:

– Пока на разноцветные окружности никто из людей заходить не имеет права. В том числе и ты. Но вот устройства надо науськать так, чтобы они ходили кругами не только по одному помещению, а по всем. Меняя при этом и направление, и очередность комнат. Основная задача: поиск температурных ризниц и выявление причин этой разницы. Ну и пусть пытаются засечь любое, пусть даже самое невероятное излучение.

– И надолго их программировать? – интересовался Мануэль.

– Как минимум до конца этого дня. После обеда мы покопаемся в соседних зданиях и в развалинах и тогда будем решать, в каком русле вести дальнейшие исследования.

– Тогда я приступаю!

– На обед я тебя позову, крикну вниз, – пообещал руководитель экспедиции и поспешил наверх.

Там уже столы были частично уставлены холодными закусками, разнообразие которых было обеспечено еще на Земле. Горячие блюда, коих тоже хватало в готовом и полуготовом

виде на ближайшие несколько дней, уже разогревались, пропитывая атмосферу здания очаровательными аппетитными запахами.

Вначале Броди отвлекли Ирена с Николаем. Счастливчику и тут уже успело в некотором роде повезти. Пока колонна ждала сообщения от группы разведки, он, маясь бездельем, немного вернулся назад и углубился в лес, из которого они приехали. И там ему на глаза попались грибы, причем настолько странные по виду, что удержаться от сбора урожая было невозможно.

Растения напоминали китайскую пагоду или ель. То есть основной ствол гриба пронзал расположенные друг над другом шляпки и поднимался на высоту до полуметра. Верхушка венчалась самой маленькой шляпкой, размером с пол-ладони. Тогда как самая нижняя шляпка достигала размеров большой кепки. И все пухлое, тверденькое и радующее глаз. Причем таких многоярусных грибов Николай натаскал из леса и сложил в кузове грузовика двадцать штук, и накормить этим количеством экспедицию можно было не менее трех раз.

– Мы отдали несколько кусочков в анализатор, – щебетала Ирена, – и предварительные анализы показали, что токсичных ядов нет.

– Да и пахнут они как самые натуральные подосиновики! – хвастался Николай. – И вид – соответствующий. А Оливер чуть не помер от расстройства, когда такую красоту увидел. Кричал, что это надо выбросить немедленно и поганки складировать в машине он запрещает. Еле отвоевал право вам показать.

– И много их там еще в лесу осталось?

– Да полно! Причем еще как минимум двух видов я заметил, вполне тоже съедобные: лисички и вроде как маслята. А вот ни мухоморов, ни поганок нет.

Броди пожал плечами:

– Ну если полный анализ ничего в них вредного не обнаружит, то можно и попробовать. Свежеприготовленная пища, тем более такая, любое меню украсит. Только учтите, готовить придется тому, кто грибы нашел.

– Запросто! – согласилась парочка, о которой уже все поговаривали, что они жених и невеста. Еще в Хардии они сильно сблизились, а во время последних событий на Земле вообще старались не отходить друг от друга дальше чем на десяток метров.

Александр Константинович уже хотел возвращаться в дом, как его отвлекли два водителя, которые считались уже и ветеранами, и друзьями, пройдя через все трудности последней экспедиции в пустыне. Сейчас Петр и Сергей мучились некоторыми сомнениями, которыми решили поделиться с руководителем:

– Жилые будки слишком высокие, под навес веранды никак не войдут.

– Но в комплекте есть пленочное покрытие. Может, накрыть?

– А то дождь вот-вот хлынет.

Вся малая техника разместилась очень удобно под навесом. Оба фургона с устройствами, приборами и научной аппаратурой стояли по центру веранды. Чудно смотрящийся, навороченный джип одной из самых дорогих моделей поблескивал в правом углу. В левом уместился грузовик поменьше, у которого имелся выдвижной манипулятор-самопогрузчик и в длинном кузове которого чего только не было из необходимого археологам инструмента, экипировки и нужных для обустройства лагеря вещей.

А вот жилые комнаты на колесах, в каждой из которых могло проживать до шести человек, из-за своей высоты и в самом деле не помещались под крышей. Они стояли к дому боком, позволяя заходить в раскрытые двери, даже если вдруг хлынет проливной ливень. Хотя что такое ливень, пусть даже с возможным градом? Прочное нержавеющее железо, да еще покрытое специальными составами, ничто не повредит.

Но раз водители так обеспокоены низко нависшими тучами, то почему бы и не перестраховаться?

– Накрывайте, хуже от этого не станет. Тем более что в ближайшие сутки нам никуда ехать не понадобится.

Александр Константинович еще и понаблюдал, как довольно ловко Сергей с Петром стали накидывать и закреплять особо прочное пленочное покрытие. А потом и голос Оливера, лично руководящего накрыванием столов, послышался:

– Дамы и господа! Прошу всех к столу! Через пять минут подаем горячее! Кто не успеет – сам виноват.

Принюхиваясь к запахам и потирая ладони, Броди поспешил в холл, на ходу восклицая:

– Отлично обживаемся!

На что совершенно непьющий Оливер откликнулся встречным предложением:

– Может, бутылку вина открыть? Одну на всех?

– Обойдемся! Еще ничего не нашли, ничего не открыли и ничего не разгадали. Значит, и праздновать особо нечего! – Но, наткнувшись на обиженные картинно лица Николая и Ирены, поспешно добавил: – Естественно, находка таких замечательных грибов – дело всемирной важности, но отмечать это дело мы будем лишь после первой апробации. А сейчас...

Он сбросил с себя куртку, повесил ее на спинку стула, потом добавил туда же пояс с ножом и пистолетной кобурой и только после этого, чувствуя облегчение во всем теле, стал усаживаться во главе стола. Но сразу обратил внимание, что народу слишком мало. И развел руками в недоумении:

– А что, никто не голодный? Мануэля позвали?

– Да всех позвал, – бросил Оливер, и ему вторил голос поднимающегося снизу программиста:

– Уже иду! Уже иду!

Следом со стороны веранды появились и оживленно спорящие о достоинствах прозрачного покрытия водители. Трое представителей прессы, новички в экспедиции, накрыв стол, уселись самыми первыми. Стали рассаживаться за столами и все остальные, а вот Ларисы, которую Броди пытался высмотреть в первую очередь, все не было. Как сразу бросалось в глаза и отсутствие самого крупного в экспедиции Михаила Степановича Днепрянского.

– И Пузина с Люссией нет! – фыркнул Оливер с иронией. – Никак уже спать завалились на новеньких матрасах! Ну-ка, Фреди, сгоняй за ними наверх.

Один из двух новеньких практикантов, которых взяли в экспедицию только в силу нерушимых традиций археологической плеяды, резво бросился по лестнице наверх. Тогда как Пако, «старый гвардеец» из свиты Пузина, принялся беззлобно подтрунивать над оставшимся практикантом:

– Конечно, быть на побегушках и заниматься мойкой посуды – дело не совсем благодарное, но ведь все с этого начинали.

Паренек, кандидатуру которого вместе с его товарищем выбрал лично Александр Константинович Броди из числа своих студентов, кажется, был готов просто дышать здешним воздухом, а не то что котлы мыть, поэтому в ответ только счастливо улыбался и соглашательно кивал.

На тему практики Николай Счастливчик тоже решил что-то добавить, тем более что сам недавно был точно в такой же роли. Но не успел, сверху по лестнице скатился интенсивно дышащий от усердия Федор, которого испанцы пытались называть на свой манер Фредом.

– А наверху никого нет! – выпалил он. – Я во все комнаты заглянул – никого! Может, они наружу вышли?

Сердце нехорошо защемило, когда Броди стал обводить требовательным взглядом всех остальных участников экспедиции.

– Внизу их нет! – твердо заявил Мануэль. – И не спускались даже.

– И наружу они не выходили! – подтвердил Сергей, переглянувшись с Петром. – Мы с веранды так никуда и не отлучались. И дождь уже начался.

– Да я четко помню, что они наверх подались! – стал сердиться Оливер под согласные кивки Пако. – Последней туда подалась Лариса со своим рюкзаком, с сумками и модемом.

После чего Броди сам устремился наверх, желая убедиться собственными глазами, что его никто не разыгрывает. В их комнате, которую выбрала супруга, его взгляд сразу выхватил основную странность и несуразность: на раскладном столике лежали разложенные косметические принадлежности, без которых себя не мыслит любая женщина. Видимо, и Лариса решила перед обедом покрасить чуточку ресницы, потому что щеточка из стержня была вынута и лежала возле зеркала так, словно ее только что выронили из рук. Под щеточкой растекалось пятнышко туши.

Никакая женщина так шутить не станет! Прежде чем спрятаться, она обязательно вернет щеточку в стержень и плотно его закроет.

Броди навис над столиком, недоуменно озираясь и пытаясь унять бушующие в голове панические мысли. А со спины уже доносился не на шутку встревоженный голос Оливера:

– Ни Карла с Люссией, ни Михаила нигде нет!

– Что же случилось? – стал спрашивать сам себя Александр Константинович и попытался развернуться в сторону деловито гудящего за стеклом окна модуля. Тот продолжал счищать нанесенный за века мусор. Но во время разворота с телом Броди произошло нечто странное. Окружающая обстановка стала размазываться, и чувство координации громко завопило, что тело куда-то проваливается. Попытки отпрыгнуть резко в сторону или хотя бы ухватиться руками все за тот же столик ничего не принесли: плоть словно стала принадлежать привидению, проходя сквозь предметы как бестелесный фантом.

Глава третья

А. К. Броди за тридевять земель

Когда еще думали, что Солнце вращается вокруг Земли, то понятие «далеко» обозначалось довольно длинным словосочетанием: в тридевяти царстве, в тридесятом государстве. С тех пор понятие «далеко» многократно расширилось, выросло и обрело конкретику. В иной галактике. В иной вселенной. На краю тридесятой вселенной. Ну и так далее и тому подобное.

Куда попал господин Броди, он сам долго понять не мог. Только и догадался, что телепортацией его забросило не иначе как «к черту на кулички». Вроде только и начал куда-то проваливаться, как тут же под ногами оказалась твердь, относительная конечно, что-то плотно обжало со всех сторон и в ушах знатно зашелестело. В глазах стояла полная темень, а лица касались стебли не то травы, не то листьев камыша. Да и руки явственно нащупали вокруг плотно стоящие стебли не то гигантской травы, не то стебли какого иного растения. Причем стебли стояли так плотно, что просунуть сквозь них руку и то получалось проблематично.

Создавалось впечатление, что стоял себе плотно связанный сноп, а человека и воткнули в его середину. А вот как из этого снопа выбраться и есть ли у него вообще край, никто подсказывать не собирался.

Если бы еще все дело было только в нем, Александр бы так сильно не переживал. Раз существует телепортация в это место, значит, скорее всего, канал переброски работает и в обратном направлении. Но его сердце колотилось от страха по поводу Ларисы и остальных друзей.

«Куда ее могло забросить? Хорошо, если недалеко отсюда. Здесь хоть нормальная для дыхания атмосфера, вполне мягкая температура, и град по голове не стучит... пока! – Он попытался рассмотреть, что там наверху, со всей силы раздвигая руками высоченные стебли в стороны. – Все равно ничего не видно! Вроде как ночь, но ни луны какой-нибудь, ни звездочки мерцающей. Или там наверху мрачные тучи? Хм... Вроде нельзя сказать, что парит, воздух скорее сухой, какой бывает в южных засушливых районах. А вот как отсюда выбираться? Вернее, в какую сторону проламываться между этих стеблей? Может, лучше дожидаться рассвета? Или вначале покричать на всякий случай? А вдруг здесь обитают дикие звери?»

После некоторого раздумья кричать Броди передумал, зато сам прислушивался долго и напряженно. Если и «наши» здесь, рядом, да подадут голос, было бы наиболее предпочтительно самому пойти на звук. Но, кроме шуршания довольно массивных листьев, никаких иных звуков не доносилось.

После чего Броди решил прощупать, что же у него осталось в карманах. Воспоминание о куртке с десятками карманов и оставленном на стуле поясе с оружием вызвало вполне обоснованный зубовой скрежет. В тех карманах имелось почти все необходимое для выживания потерявшегося человека даже на необитаемом острове. Не говоря уже об оружии или о том же десантном ноже в специальных ножнах.

«И ведь мог сообразить, что случилось нечто из ряда вон выходящее! Лопух! Тютя! Ворона! Ротозей! – ругал себя Александр последними словами из разряда цензурных. – Надо же так расслабиться и забыть про элементарные нормы безопасности!»

В карманах брюк оказалось не густо. Две теперь совершенно бесполезные обоймы с патронами к пистолету. Мобильный телефон в отключенном состоянии. Два носовых платка и маленький перочинный ножик с двумя лезвиями, кусачками для ногтей и штопором. Да и то ножик оказался в кармане, скорее всего, по недомыслию, по ошибке. Обычно он тоже покоился в одном из маленьких карманов крутки.

В нагрудных карманах фланелевой рубашки защитного цвета лежал пакет с паспортом, водительскими правами, банковскими карточками и блокнот с двумя шариковыми ручками. Часов на руке Броди не носил, поэтому пришлось включать телефон, чтобы сориентироваться по времени и знать, когда хоть сюда прибыл по объективному времени мира аделъванов.

«Это я молодец! – ерничал над собой попаданец неизвестно куда, фиксируя в памяти часы и минуты и с помощью светящегося экрана присматриваясь к диковинным стволам. – Главное, что права не забыл прихватить! Да и без паспорта пришлось бы ох как туго! И почему я не курю? Хоть парочка зажигалок бы валялась по карманам... Хм, хотя фонарик все-таки предпочтительнее. Ведь батареи телефона надолго не хватит, я ее уже поди двое последних суток в суматохе не заряжал. Вдруг я в каком-нибудь подземном розарии? И здесь рассветов изначально не предусмотрено? Вот смеху будет, если сюда садовники раз в полгода наведываются!..»

Попробовал, раскрыв самое большое лезвие на ощупь, прорезать один из стволов. Несмотря на порядочную жесткость древесной структуры, растение легко поддалось под действием проникающей в него острой стали. То есть внутри ствол был достаточно пористым и полупустым. А значит, это и в самом деле либо трава, либо некий вид бамбуковых. Только они и могли расти такой сплошной стеной и достигать в высоту шести и более метров. По крайней мере, человек предполагал такую высоту, пытаясь раскачивать окружающие его стебли. Ну и странные утолщения на высоте в три метра у стеблей, которые удалось рассмотреть при малом свечении экрана, скорее удивляли: ведь плодов у бамбука не бывает.

Теперь следовало все-таки решиться на выбор направления. Или – ждать рассвета. Вдруг этот лес тянется в одну из сторон на много километров? Да еще и узкой полосой? Представив себя полным лесом, пробивающим просеку вдоль вполне себе цивилизованной дороги, Александр нервно рассмеялся. Лучше уж потерять несколько часов, ожидая светлого времени суток, чем бессмысленно тратить силы в ненужном направлении.

Другой вопрос: что делать, когда начнет светать? Как подпрыгнуть на нужную высоту и осмотреться по сторонам? При попытках взобраться на стволы они не ломались, а просто гнулись в стороны, проваливаясь между себе подобных. Да и корневая система оказалась не настолько уж глубокой. Попытавшись просто вырвать растение из рыхлой земли, Броди был поражен легкостью этого действия. Корни оказались клубком, размером примерно с большой кочан капусты. Разве что десяток более тонких корешков, весьма тонких и непрочных, уходил вниз. Но прочность самого ствола натолкнула на мысль соорудить некое подобие помоста. Ведь все равно делать нечего, а о сне, из-за бушующего в крови адреналина, можно и не заикаться. Да и неудобно будет спать в этой беспросветной чаше.

Решение принято, значит, пора приступить к его реализации.

Хотя уже при первом осмотре выдернутого ствола пришлось включать мобильный, чтобы рассмотреть странные утолщения, начинающиеся на высоте метра три. Каково же было изумление, когда утолщения оказались массивными, величиной в руку взрослого мужчины, кукурузными початками.

«Вот тебе и розарий! Попал на крестьянское поле каких-то великанов, не иначе. Но и исключать, что оно дикое, не стоит. Слишком уж густо растения стоят, никто их не проредил для лучшей урожайности, и явно сев не проводился сельхозмашинами... Хм! А кукуруза-то молочная! Такую и варить не обязательно, в случае нужды можно и так грызть».

Теперь удалось и длину ствола измерить более точно: около семи метров. Так что помост придется возводить солидный, не менее пяти метров. Что для археолога, который умеет почти все при строительстве временного бивака, большой сложности все равно не составляло.

Листья, переплетенные друг с другом, прекрасно подошли на роль прочных веревок. Четыре группы близко стоящих стволов – для создания главных опорных столбов. Связываемые постепенно к верхушкам в один хлыст, они уже сами по себе имели должную остойчи-

вость да вдобавок со сторон получили мощную поддержку в виде строенных вместе подпорок. Затем на высоте полутора метров была привязана первая платформа, дающая и жесткость всему строению, и первую ступеньку для подъема. На втором этаже жесткость дали и стволы, привязанные по диагонали. И в итоге уже через два часа работы человек взобрался на требуемую высоту и попытался рассмотреть поверх шелестящих верхушек близлежащие окрестности.

Темень продолжала висеть беспросветная, но не это больше всего расстраивало: нигде не мерцало даже жалкого огонька или сполоха пламени!

А из этого напрашивались не совсем приятные выводы. Первое: наших здесь рядом нет, или они еще пока так и находятся в гуще этой дикорастущей кукурузы. Второе: признаков цивилизации вокруг не наблюдается. Что чревато самыми нехорошими последствиями. Если в мире аделъванов никого не осталось, то аналогичное бедствие могло произойти и там, куда ведут телепортационные переходы. А значит, шансы разыскать своих и вернуться обратно стремительно падают к нулю.

Ну и третье: в такой вот дикой глуши могли оказаться какие угодно дикие звери. И если Карл Пузин держал при себе пистолет, имея возможность защитить себя и Люссию (почему-то была уверенность, что они провалились вместе в иной мир), Кормилец обладал недюжинной силой, то вот Лариса могла лишь защититься небольшим стандартным ножом, который она на всякий случай носила на поясе.

«И вот спрашивается, – запоздало каялся любящий муж, – почему я ее не заставил вооружиться хотя бы маленьким пистолетом? Да и цорки предлагали довольно миниатюрное, но невероятно действенное оружие. Зачем было от него отказываться?!»

Ответ был прост: Пеотия была против всякого оружия вообще. Восклицала, что там совершенно безопасно, а ношение опасных парализаторов или лазерного оружия может принести вред в первую очередь самим археологам. Тогда все с ней согласились, а вот сейчас у Броди сердце кровью обливалося от переживаний.

Хорошо, что небо на здешнем востоке стало постепенно светлеть, и землянин отвлекся на трепетное ожидание рассвета. Ко всему прочему, его вдруг неожиданно стало изрядно доставать чувство голода и жажды. Ведь ел в последний раз неизвестно когда, буквально на ходу, собирая все нужное в неожиданную и жутко срочную экспедицию. А солидный обед, приготовленный в мире аделъванов, так и остался не опробован.

Но грызть заготовленные початки молодой кукурузы Александр тоже не спешил. Все-таки терпеть силы еще были, а вот уверенности, что местная пища окажется нормально усвояема, не было. В любом случае для первого раза не помешало бы найденную кукурузу если уж не проварить, то хотя бы как следует промыть в проточной воде. Другой вопрос: как скоро ту самую воду удастся отыскать?

Тем временем становилось все светлей, и если бы не густой слой облаков по всему небу, уже бы и рассвет наступил, и местное светило можно было бы рассмотреть. Да и ночные сумерки при такой облачности отступали с явной неохотой. А ведь ориентировку по сторонам света следует все-таки начинать с выяснения направления восхода. Ведь одно дело, если находишься на экваторе планеты, а если в южном полушарии?

Именно поэтому, присмотрев наибольшую точку свечения и направив туда обрезок ствола, Александр внимательно сориентировался. Вернее, попытался сориентироваться по медленно проступающим из мрака первым возвышенностям. А тех и оказалось всего две. Как раз со спины, если держать восход по правому боку, проступали две покатые горы – и до них расстояние не превышало одного километра. Зато во все остальные стороны колыхалось, насколько только хватал глаз, кукурузное море.

«Точно поле дикое! – мысленно вздыхал землянин. – Самосев. И хорошо, что я и в самом деле не двинулся в произвольном направлении. И силы бы даром потратил, и сам бы к себе

последние крохи уважения потерял. Ладно, теперь присмотримся к холмам. Мне кажется – или там и в самом деле развалины? М-да! Плохо дело!...»

Действительно, обе возвышенности и полого поднимающаяся долина между ними оказались сплошь покрыты явными развалинами какого-то города. Причем ни единого целого здания там не оставалось, и сам тип разрушений сразу давал некое представление о том, что тут произошло. Развалины образовались не от дыхания всеокрушающего времени, а от бомбардировок и разрывов артиллерийских снарядов. Словно перед глазами Александра Константиновича предстали кадры военной кинохроники Второй мировой. Сталинград... Минск... Разбомбленные города Европы... Только тут отчетливо видны смятые, перевернутые коробки автомобилей и даже автобусов.

По крайней мере, так все виделось издалека.

Наихудшим казалось то, что трагические события здесь происходили довольно далеко по времени. Примерно в промежутке от десяти до двадцати лет. Об этом можно было судить по разросшемуся местами кустарнику, выросшим достаточно высоко деревьям и даже по некоторым островкам все той же гигантской кукурузы. На остатках стен городских окраин виднелись многочисленные гнезда, а над ними уже кружились весьма крупные по размерам не то вороны, не то некое подобие ястребов. Хотя последние не бывают такими черными, а вороны – настолько крупными.

На вершине правого холма виднелись стайки птиц помельче и уже белого цвета. Издалека их было рассмотреть трудно, да и крики не доносились, но слишком уж эти пернатые напоминали чаек. И если это так, то, значит, где-то поблизости или море, или как минимум внушительная река. Ну и в самом городе наверняка можно отыскать если не остатки водопровода, то некие старые колодцы. Все-таки как настоящий археолог Броди сразу распознавал эпоху застроек: примерно так на Земле строили в период с десятого по тридцатый год двадцатого столетия. А значит, колодцы или некая их разновидность должны иметь место.

Уходить со своего насеста землянин тоже не спешил. И не только по той причине, что хотелось тщательно осмотреться на предмет движения разумных или следов их недавней деятельности. Как подозревалось, именно под этим самым помостом должен находиться порт телепортации. Ведь не могло человека выбросить куда угодно и чисто спонтанно. А значит, некие устройства в земле остались. Вдруг придется со временем их откапывать и с их помощью искать дорогу обратно? Вот в данном случае и пригодился блокнот с ручками.

Сразу несколько ориентиров на холмах, и линии, проложенные через них, ведут именно к этому месту, где и пересекаются. Надеяться, что помост здесь простоит долго или что здесь не бывает пожаров от удара молнии, – глупо.

Затем ориентировка на местное светило. Оно так пока и не просматривалось, зато уже явно сдвинулось влево и двигалось против часовой стрелки. Южное полушарие. Стороны света заняли должные обозначения на схемах с ориентирами. И вновь тщательное наблюдение за развалинами.

Птицы здесь не голодали. Скорее разленились от переедания. Кукурузу они склевывали с самого края поля, не стремясь залетать на него глубже. Кстати, белые птички и в самом деле оказались весьма похожи на чаек и тоже не игнорировали произрастающую на гигантских стеблях дармовщину. А глядя на пернатых обитателей этого неизвестного мира, и у землянина голод стал возрастать скачками.

Уже собравшись спускаться вниз и двигать к городу, Броди последний раз огляделся и замер. С северо-запада в сторону левого холма через поле двигалось некое животное. И перло оно словно хорошая танкетка, ломая стебли впереди себя и сминая их в стороны. Траектория такого прямолинейного движения пролегла наискосок метрах в ста перед насестом.

«Однако! Неужели дикий кабан? – досадовал Александр. – И что я ему могу противопоставить кроме перочинного ножика? Хм... Хорошо, что ветер дует со стороны холмов. Вроде

не должен мой запах уловить. Если сдуру, конечно, по полю петлять не начнет. Ну, проходи, хрюшка, чего останавливаешься?!»

Кажется, животное что-то уловило в пространстве, потому что несколько раз замирало на месте, то ли принохиваясь, то ли просто отдыхая. Но потом все-таки продолжило свой прямолинейный путь. Человеку ничего не оставалось, как облегченно вздохнуть и вытереть пот со лба. А потом дожидаться: не появится ли хозяин кукурузного поля среди развалин в пределах видимости? Все-таки он мог пройти по краю поля, а потом обогнуть холм с левой стороны. Мало ли как у него личные угодья простираются.

Появился! Только одним своим видом чуть не заставил сверзиться наблюдателя наземь. Никакой это был не кабан. И даже не кабанище. А самый натуральный бегемот! Среднего размера, серо-зеленоватого оттенка и с закрученным хвостиком на огромной заднице. Разве что более длинные ноги отличали его от земного аналога.

Бегемот несколько бестолково походил среди развалин, схрумкал какое-то небольшое деревцо вместе с корнями да и потопал в прежнем направлении. Складывалось впечатление, что животное либо заблудилось, либо находится в процессе одиночной миграции. А может, просто самку для себя разыскивает? Как бы там ни было, но человеку он больше ничем не угрожал. Даже скорее, наоборот, помог: чем самому ломиться сквозь густые заросли стеблей, следовало воспользоваться уже проложенной просекой.

Опять-таки, раз бегемот имеется в наличии, значит, речные просторы тоже недалеко. И раз он так свободно разгуливает в одиночку по суше, страшные хищники здесь отсутствуют.

С этими мыслями Броди и сполз со своего временного насеста и поспешил напрямик к просеке. Пока до нее добрался, основательно исцарапался о стебли сам и даже в нескольких местах порвал рубашку на локтях. Одно дело – топтаться на месте, а совсем другое – продираться вперед сквозь сплошную стену одичавшей гигантской кукурузы. На проложенной просеке удалось вздохнуть полной грудью и значительно ускориться в продвижении. Хотелось как можно быстрее добраться под прикрытие развалин. Все-таки некоторая боязнь оставалась: вдруг животное вздумает вернуться по своим следам обратно? Бегемоты вроде как травоядные, но при удачной атаке перекусывают крокодила, а то и льва с одного раза.

Хорошо, что в быстром забеге отменные ботинки и прочные брюки позволяли двигаться без оглядки на торчащие из земли обломки кукурузных ствол.

А потом землянин вошел в город. Вернее, в руины. И поразился большому количеству выбеленных временем костей. Но зато стало понятно внушительное количество крупного воронья, которое довольно равнодушно взидало из своих гнезд на бредущего человека. Это и в самом деле оказались падальщики, которые много лет назад и выели все мясо с костей погибших здесь аборигенов. Опасности они вроде не представляли, но держать их всегда в поле зрения следовало. И только после принятия такого решения археолог приступил к более тщательному изучению попадавшихся скелетов.

Изначально стало понятно, что перед ним не люди, хотя и вполне себе человекообразные создания: череп с вполне привычными пропорциями, ноги, тазобедренные кости. Примерно одинаковый с землянами рост. А вот дальше и начинались основные различия.

У обитателей данного мира имелось четыре руки. Две вполне себе на вид стандартные и две тонкие и хрупкие, выходящие из-под мышек. На основных руках и правой вспомогательной было по четыре пальца, а на левой вспомогательной – только три. Итого – пятнадцать. Плечи и грудная клетка казались несколько расширенными, лишняя пара лопаток на спине могла показаться со стороны наросшим горбом.

Как располагались внутренние органы, утверждать было рановато, хотя, по знаниям археолога, вывод о вполне сходном внутреннем строении напрашивался сам собой. Скелетов виднелось много. Ну и их расположение давало возможность предположить, как здесь происходили события.

Похоже, при бомбардировке и артобстреле, а вернее, при взрывах бомб прямо в воздухе (потому что воронок не отмечалось) четырехрукие аборигены погибли в очень малом количестве, мизерный процент от всего населения города. Да и то вопрос-вывод спорный, ведь ни одного тела под руинами не виднелось, все поверху лежали. Остальные наверняка отсиделись в бомбоубежищах, а потом выбрались на поверхность и приступили то ли к захоронению павших, то ли к восстановлению своих обителей. У многих возле основных рук виднелись лопаты, кирки или ломы. Но вот именно тогда и явилась главная погибель для этого города. Скорее всего, здесь прошла волной некая жесткая радиация, свалившая существ там, где они в тот момент находились. Прямо во время работы. Некоторые скелеты были нанизаны на обхваченный собственными руками лом. А судя по тому, что нигде не виднелось маленьких скелетов, детей в городе либо не было изначально, либо все они в то время оставались в бомбоубежищах. И если волна их там всех и накрыла...

Кстати, женские скелеты весьма отличались от мужских, и их было невероятно мало. А значит, по их поводу можно было думать то же самое, что и о детских скелетах.

«Если тут вообще имелись бомбоубежища, – кривился Броди, стараясь не наступать на раскиданные повсюду кости. – Но сейчас меня больше всего волнует радиация. Или что тут могло их всех уничтожить до единого? Если остаточное заражение держится здесь до сих пор, то долго я не побегая. И как назло, никакого дозиметра при себе нет! Тот, что в виде термометра, тоже в куртке остался. Или следует брать пример с бегемота? Раз он ни о чем не печалится, то опасности не существует?»

Кстати, а почему я вокруг костей не вижу даже маленького кусочка ткани? Неужели все истлело или сгнило? А может, тут в ходу недолговечные одежды из некоего подобия бумаги? Или опять-таки всему виной радиация?»

Также приходили мысли, что трагедия здесь имела место гораздо дальше по времени, чем два десятка лет. Особенно в том случае, если радиация была какой-то особенной, неся смерть или разложение выборочно. Могло даже такое случиться, что животные и птицы нисколько от излучения не пострадали, а вот существа, имеющие разум, получили мгновенную смерть.

Причем последнее предположение вполне могло иметь место. Особенно если знать, что в невероятном количестве вселенных творится и сколько там накопленного оружия самого разнообразного толка вращается. Взять тех же цорков: что они только не создали для уничтожения неугодных им рас! Ну а краткие пересказы побывавших в путешествии разума древних землян вообще могли вызвать одну из фобий, при которых становилось страшно жить вообще.

Смотреть на погибший город было тяжело. Пытаться отыскать вход в подвалы – страшно. Хоть землянина никоим образом не касались местные военные распри, он все равно предчувствовал некую связь между массовой гибелью четырехруких обитателей этого мира и пустынными городами в мире аделъванов. Ведь недаром между ними существовал и до сих пор продолжает функционировать портал мгновенной телепортации.

Тяжко не тяжело, а выживать следовало в любом случае.

Ну и Броди первым делом решил обеспокоиться наличием оружия. То, что валялось под ногами, считалось строительным инвентарем и не слишком подходило человеку. Древесные ручки лопат и кирок почти все сгнили, тяжеленные ржавые ломы скорее подходили для атаки на бегемота с площадки сохранившихся стен. Да и то следовало в бегемота попасть с одного броска, иначе он в свирепости завалит гарпунщика вместе со стеной. Это еще при условии, что стена сама не рухнет под тяжестью взбирающегося на него охотника. Ну а никакого иного стрелкового оружия или его подобия возле тел не наблюдалось. Также ничего не было и в покореженных взрывными волнами машинах. Что лишний раз доказывало: военных в городе не было в момент катастрофы, только гражданские лица.

Час ушел в бесполезном поиске на поверхности, а потом археологу таки пришлось спускаться в подвальные помещения. Тем более что открытые зевы ничем не маскировались, пока-

зывая своим видом, что спасшиеся от бомбардировок жители города выбрались на поверхность именно снизу. И внизу могло отыскаться очень много ценного и полезного. Начиная от оружия и кончая сохранившимися в целостности и приемлемом виде продуктами длительной консервации.

Правда, перед этим удалось отыскать наиболее сохранившуюся, довольно тяжелую лопату. Вот с ней Броди и отправился в зев наибольшего раскопа, расположенного под обломками приземистых зданий, напоминающих не то казармы, не то длинные конюшни. Увы, пройти далеко не удалось. Всего три лестничных пролета – и стало так темно, что без подручных осветительных средств можно и голову разбить, и ноги поломать.

Пришлось возвращаться наверх и думать: из чего соорудить факел, чем его пропитать и как его потом зажечь. Для опытного исследователя, не раз выживавшего даже в пустыне, – плевое дело. Тем более что на маленьких деревцах, которые так нравились бегемоту, во многих местах на коре виднелись капельки прозрачной смолы. Точно такие натеки бывают на сливовых породах, и подобная смола для медленно прогорающего факела – наилучшее топливо. А чтобы смолы стало больше, человек острым обломком арматуры быстренько сделал порезы на всех подобных поблизости деревцах. Мало того, во многих баках еще оставалось топливо, весьма по запаху похожее на солянку. Так что чему гореть – недостатка не было.

Но все-таки остальные здешние реалии сильно разнились от земных. Самое неприятное: камни при ударе друг от друга совсем не искрили. То же самое получалось и при ударе камнем по кончику лома. Дымок шел, паленым воняло, а вот искры высечь не удавалось. Аккумуляторы в сгнивших автомобилях, хоть и выглядевшие на удивление целыми, давно и навсегда умерли, надеяться на них тоже не стоило.

Тогда пришло решение обследовать со всем тщанием наиболее сохранившиеся этажи разрушенных зданий. Ведь не могли жители города пользоваться одним электричеством, никак не могли! Архитектурный стиль даже полной электрификации не соответствовал. А уж торчащие кое-где из развалин отрезки позеленевших медных трубок ясно говорили если не о тотальных газовых коммуникациях, то об индивидуальном подходе к каждой кухне.

Опять-таки, если тут кухни как таковые вообще существовали. Ведь, по рассказам древних землян, в большинстве миров не ели плоть животных, не варили растения и не подвергали термической обработке фрукты и овощи. То есть ни котлами не пользовались, ни сковородками, а газ применяли только для обогрева даже порой довольно примитивные в плане технического развития цивилизации.

«Но если так рассуждать, то ничего из консервов или герметично запакованных круп я у четырехруких не найду, – размышлял Броди, с опаской заглядывая в нечто, напоминающее узкий тоннель. – Уж не стоит ли мне спешить с найденной лопатой опять в поле, жевать на ходу кукурузу и пытаться расчистить площадку телепортации?.. Или сразу взбираться на холм, а потом, если увижу, спешить к реке? Вот уж напасть: у меня даже фляги с собой нет!..»

И с каждой минутой он все больше и больше переживал о Ларисе. Ведь одно дело – переместиться неизвестно куда, но без страха быть растоптанным ошалелым бегемотом, и совсем иное – оказаться в смертельно опасной ситуации. Ведь как-никак, но те же древние хардийцы, обладающие божественными умениями и доставившие их сюда, давали целую неделю для спокойной работы. Раньше они могут и не наведаться. Потом-то они нагрянут и, скорее всего, отыщут своих неосторожных потомков, но до этого времени еще надо прожить! А как это делает одинокая, слабая и неопытная женщина?

Минут пять человек простоял перед тоннелем. Но не по причине боязни войти внутрь, а из-за терзающих его дум о доле любимой супруги. Затем еще с минуту он уговаривал себя настроиться на интенсивный поиск в данном городе. Ведь чем быстрее он тут «обживется», тем быстрее сможет расширить ареал своих исследований. А впоследствии и Ларису отыскать

шансов станет значительно больше. О том, что ее забросило в совершенно иной мир, на другой край Вселенной, даже думать не хотелось.

Глава четвертая

Акклиматизация

Держа лопату как короткое копьё, Александр Константинович медленно двинулся в густой сумрак разрушенного здания. Здесь мизерное освещение все-таки присутствовало, многочисленные щели в своде и стенах давали приток дневного света, вполне достаточный для просмотра внутренней обстановки и понимания, что же тут произошло. Можно сказать, что первому этажу повезло остаться неразрушенным. Взрывная волна, похоже, снесла второй, а то и сразу два верхних этажа в сторону, оставив наверху совсем малую грудю обломков, и те не провалились под собственной тяжестью вниз. Хотя герметичность потолка при этом нарушилась основательно и при выпадении осадков вода в данные помещения проливалась нещадно. Скорее всего, именно поэтому раскрытый зев, ведущий в подвал, чернел внизу застоявшейся гладью воды. При ее виде пить захотелось втрое больше, но имелось и понимание, что такую жидкость употреблять без соответствующей обработки нельзя.

Наверняка в том же подвале обитатели этого здания и пережили первый этап бомбардировки города. Оттуда они и вышли, принявшись наводить порядок в полуразрушенной обители. Да так их смерть и застала при последних действиях. Двенадцать женщин и девять детей разного роста. Они так и замерли кто где, наверняка не осознав даже причины своей смерти.

Но, в отличие от их соседей, тела не были расклеваны воронами, а некое подобие одежды не растворилось окончательно под лучами местной звезды. Несмотря на повышенную влажность, трупы превратились в ссохшиеся мумии, пугающие своей уродливостью еще больше, чем голые белеющие скелеты. Разве что некоторые были искорежены, а то и уничтожены стекающими после дождей струями воды.

«Насколько же сильно было излучение, если погибли все без исключения и настолько моментально? – никак не укладывалось в голове у Броди осознание состоявшейся здесь трагедии. – Кто его применил? Зачем? Откуда взялись подобные враги данной цивилизации? Или это они так друг друга сами уничтожали? Какой смысл, если победителей не осталось?»

И желание наведаться в более глубокие бомбоубежища пропало полностью. Совершенно не хотелось рассматривать там сотни, а может, и тысячи иссушенных мумий женщин и детей. Хватало и этой картины.

Тем более что некие предметы, приспособления и средства, необходимые для временного выживания в этом мире, имелись и здесь. Ну и последняя сценка здешней жизни представляла перед глазами во всей своей трагической полноте.

Бомбежка прошла. Объявили отбой воздушной тревоги. Обитатели дома, наивно радуясь, что все остались живы, выбрались наверх. Мужчины подались расчищать наружные завалы, тогда как женщины и дети принялись наводить порядки на первом этаже. На большой газовой плите стояло три внушительных казана. Сейчас они выглядели жутко почерневшими и потрескавшимися от долго накаляющего их пламени, а тогда наверняка были наполнены закипающей водой. На столах лежали разложенные для варки продукты, выглядящие сейчас в большинстве своем в виде трухи. Если присмотреться, то видно было, что приготовление пищи лежало на плечах четырех или пяти женщин.

Все остальные их товарки и дети занимались интенсивной уборкой помещения, перекладкой посуды и стекла, которого оставалось на удивление много в полной целости, да поправкой упавшей или покосившейся мебели. Последняя тоже не слишком отличалась внешним видом и функциональностью от подобной кухонной и бытовой мебели на Земле начала двадцатого века. Как ее ни повредила влага, а то и прямые потоки, некоторая красота, изящество и стиль все равно просматривались. На вздувшихся матрасах спать никто бы не рискнул, но

сами железные кровати выглядели вполне надежно. А громоздкие шкафы в первую очередь отличались повышенной прочностью и толщиной дверок. Мысль, конечно, неуместная, но она в голове у землянина мелькнула:

«В таком шкафу женщины, героини из анекдотов, порой умудрялись по пять любовников одновременно прятать».

Как оно в этом мире бывало на самом деле, неизвестно, но вот некоторые припрятанные одежды сохранились если не превосходно, то во вполне нормальном для носки состоянии. Имелось несколько стопок одеял разной толщины и выделки. Вполне прилично сохранились льняные простыни. Даже обувь подходящего размера отыскалась. А уже некоему подобию плотной куртки, парочке свитеров и внушительной накидке с капюшоном пришелец из другого мира несказанно обрадовался.

Но больше всего его изначально интересовали две вещи: кухня и оружие.

С кухней дело обстояло проще. Прогоревшие кастрюли дали повод поискать газ, который и нашелся во вполне привычных и понятных на вид баллонах. Один баллон оказался пуст, выпустив весь газ после смерти обитателей дома. Оставалось только удивляться, почему ничего здесь не взорвалось. Наверняка газ горел до последнего момента. Еще два баллона оказались пусты и отключены. А вот два запасных приятно порадовали своей тяжестью и плеском внутри сжиженного голубого топлива.

На полках рядом с плитой оказались и приспособления для поджигания газа: спички и некие подобию пьезоэлемента. Спички потеряли годность давно, а вот простенькое устройство, коих оказалось аж пять штук, при нажатии на курок продолжало исправно искрить. Другой вопрос, что саму плиту сразу запустить в работу не удалось бы: смазка в регуляторах подачи газа настолько окаменела за длительное время, что ручки просто не вращались и газ из присоединенного баллона выходил сразу из трех конфорок с максимальной интенсивностью. Но главное, что человек добыл огонь, хотя варка той же кукурузы или простое кипячение воды было отложено на потом.

Кстати, некие специи и явная соль тоже на кухне имелись в достаточном ассортименте. Как и некоторые крупы, изделия, похожие на макаронные. Правда, большинство из-за негерметичной сохранности пришло в полную негодность. Подлежало варке лишь то, что хранилось в больших стеклянных банках и было плотно прикрыто сверху подобием тонкого целлофана. Станным серым куском в банке окаменел полуоплавившийся сахар. Не менее окаменевшим выглядело не то повидло, не то покрывшееся кристалликами сахара варенье. Отыскивались и емкости, в которых виднелось нечто в виде растопленного жира. Видимо, семейство здесь обитало большое и запасливое.

А вот с водой, можно сказать, попаданцу повезло невероятно. Бывший здесь когда-то водопровод не содержал в себе даже капли ржавой жидкости, зато в ваннных помещениях оказалось нечто в виде бойлера, который тоже работал на газу. И вот возле этого бойлера возвышался громадный бак, литров на пятьсот, в котором и находился резервный запас воды. Бак не был из нержавеющей стали, скорее всего, на его стенки шел неизвестный землянину сплав, но в любом случае запах ржавчины да и сама ржавчина в воде отсутствовали. Подозрительный запах тоже не ощущался. Набранная в высокий стакан вода и по цвету не вызвала малейших нареканий. Так что вначале было сделано несколько глотков. Потом выпит целый стакан. А еще через час Александр отвел душу, напившись столько, сколько в него влезло.

Это уже гораздо позже он обнаружил в баке промежуточную решеточку из серебра и понял, почему вода за такое длительное время не испортилась и не стухла. А тогда посчитал причиной такой удивительной сохранности неизвестный сплав, из которого сделали оболочку бака.

После насыщения водой с новой силой навалился голод. И чтобы себя даром не терзать неуместной диетой, землянин сбегал к полю, наломал кукурузы и сразу в трех кастрюлях поста-

вил варить толстенные початки. Ну а пока они доходили до кондиции, продолжил интенсивно поиск оружия.

Ножей имелось в достатке. Даже пара больших, тяжелых ножей отыскалась для рубки мяса и небольшой топорик. А вот даже подобия сабли, меча, копья и уж тем более какого огнестрела нигде отыскать не удалось.

«Никак тут обитали врожденные пацифисты, – размышлял археолог. – Потому и пали, что защититься нечем было. Но вот мои пистолетные патроны тут явно ни на что не сгодятся. А жаль. Неужели все-таки придется опускаться в бомбоубежище? По логике, если четырехрукие что и прятали ценное или опасное для врага, то только там».

На всякий случай он собрал в окрестностях самые тонкие и длинные ломы и снес их с десяток в свою временную обитель. Хотя подобные орудия труда и были слишком тяжелы в обращении, но как оружие могли быть более продуктивны в ближнем бою, чем лопата или кирка. Поговорку «против лома нет приема» еще никто не отменял.

Но уже когда ел кукурузу, обратив внимание на ее несколько странный вкус, решил, что поиски в бомбоубежищах, да с хорошим факелом, можно отложить и на темное время суток. Сейчас бы следовало поторопиться на холм и посмотреть, что там дальше на юг простирается. Вдруг там точно так же видны развалины города? И вдруг по тем развалинам уже давно бродят Лариса, Карл, Люссия и Михаил? Если вообще не отыскивали возможности вернуться обратно в мир аделъванов! Ведь другая часть города могла оказаться не тронутой ни катастрофами, ни временем.

«А я тут сижу, как неандерталец, и набиваю желудок вредной для организма кукурузой! Сразу надо было на холм подняться, сразу!»

И тем не менее съел еще одну солидную порцию, прежде чем увешаться разысканным холодным оружием в виде ножей, прихватить уже привычную лопату и отправиться в путь. С ломом решил не таскаться. Не забыл набрать с собой и вареных початков и несколько стеклянных емкостей, наполненных водой. Хорошо, если на каждой уцелевшей кухне имеется запас воды, а если нет?

До вершины правого холма, где обитали чайки, по прямой линии было километров пять. Но, преодолевая баррикады из руин и разбросанных скелетов, обходя ненадежные, осыпающиеся трещины, на прохождение такого короткого отрезка пришлось потратить не менее двух часов. Только тогда взору землянина открылся вид на юг. Да, кстати, и на север, где лучи светила порой уже пробивались сквозь облака; теперь можно было рассмотреть местность намного дальше. Там дикое поле простиралось морем на добрых пять километров, а потом переходило в густой смешанный лес. Деревья в нем различались по цвету листьев, внешнему виду и размеру. Никаких иных руин, озер или явных гор не просматривалось до самого горизонта.

Зато совсем иная картина открывалась с южной стороны холма.

Во-первых: сам разрушенный город оказался невероятно велик. Его руины возвышались впереди и левее на добрых десять километров, измельчаясь вдаль и сливаясь с горизонтом. Причем останки в центре сохранились не в пример лучше, чем в южном пригороде. Во-вторых: половину правой части картины занимала широченная река, с многочисленными островками по всему плесу. Она доходила почти до самого холма, а затем резко поворачивала на запад, теряясь там в зеленом массиве зарослей. А еще правее, начиная почти от самого противоположного берега реки, вздымались довольно крутые и высокие горы. Даже было несколько удивительно, как такие вершины не просматривались непосредственно из зарослей кукурузы. Хотя окажись человек на несколько сот метров севернее, в любом случае увидел бы белеющие снегом пики.

Ну и в-третьих: на самой реке как раз лучше всего и сохранилось поголовье представителей местной фауны. Виднелись тучные стада бегемотов; копошились животные, очень напоминающие полутораметровых бобров; плавали какие-то нутрии-переростки; по мелководью

вышагивали птицы, похожие на аистов, но достигающие в высоту до четырех метров; а на пределе видимости у берега, за окраиной города, мелькало стадо пришедших на водопой не то чрезмерно больших оленей, не то особо крупных лосей.

«О-о-о! Да здесь животные возрастают, роскошествуют не в пример вольготнее, чем разумные существа. И, судя по их необычно большим размерам, можно заподозрить, что смертельное для четырехруких людей излучение оказалось для некоторых представителей фауны скорее положительным фактором. Скорее всего, это дало им мутации, связанные с ростом. И тот первый бегемотик, которого я видел, – лишь молоденький и глупый подросток, который сбежал из своего стада куда глаза глядят. Не удивлюсь, если вон те круги по воде создают карпы ростом с человека. Только вот что меня поражает, так это отсутствие хищников. Неужели их здесь нет? Или они выполнили план по мясозаготовкам еще вчера и теперь банально отсыплются?»

Ну и продолжало беспокоить явное нежелание тех же животных заходить на территорию разрушенного города. Вороны и чайки, а также глупый бегемотик – не в счет. Неужели инстинкт самосохранения не разрешает прогуливаться по руинам?

Хотя сразу всплывал самый очевидный вопрос: а что те же бегемоты в городе забыли? А тем более нутрии с журавлями? Лягушек здесь нет, растительности – тоже. Тины и водорослей – тем более. Ну а поле с кукурузой... Что-то оно не слишком привлекает прожорливых местных гиппопотамов, а журавли могут ждать, когда зерна в початках созреют окончательно и наберут должный вкус. Возможно, тогда к полю и нутрии с барсуками на заготовки подтянутся. Большие копытные животные здесь наверняка пасутся на молодой поросли, весной или в начале лета. Сейчас же пору года можно было определить примерно как конец лета – начало осени.

Засмотревшегося на реку археолога спасли выглянувшие из облаков лучи местного светила и пригревшие в спину. Машинально оглянувшись назад, Броди успел заметить, что на него падает что-то огромное и темное. Инстинкты сработали на отлично: лопата взлетела вверх, тело присело, завалилось на бок и перекатом ушло в сторону.

Скрежет когтей по железу, возмущенный клекот, и недовольная птица, с размахом крыльев не менее десяти метров, пролетела дальше. Затем вновь перешла на планирование и на протяжении нескольких секунд достигла берега. Вот там уже пернатому охотнику подфартило: вверх он взмывал, держа в каждой лапе по отчаянно извивающейся нутрии. Не повезло грызунам. А охотник так и подался прямо к горам.

«А мне повезло! Придурку рассеянному! – Теперь уже землянин крутил головой во все стороны и, подобрав лопату, постарался встать спиной к участку возвышающейся стены. – Залюбовался просторами! А тут и хищники нарисовались. Хорошо бы, хоть иные не нагрянули, а то как представлю себе льва размером с земного слона, коленки трястись начинают. Как же этого “птица” подлого назвать? Ни на орла не похож, ни на ястреба, но все равно кого-то напоминает... Ну да! Точно! Если бы его поставить на подворье в окружении кур – то вылитый петух получится! Разве что у этого крылья раза в три больше относительно тела. Да и само тело – как три моих. Петух гамбургский! Тьфу!»

И только после этого почувствовал, что одна штанина у него мокрая. Хорошо, что не кровь, и благо, что не оконфузился: разбилась одна из стеклянных посудин с водой. Только и оставалось, что сожалеть об отсутствии рюкзака с запасной одеждой, в данной обстановке раздеться и подсушиться нереально. Да и других, более насущных проблем хватало. Достав очередной кус рубленого початка и начав жевать его сперва с некоторой отстраненностью, позже Броди сообразил главное: сколько вот он ни набивает желудок разваренной кукурузой, насыщения так и не наступает. Живот выпирает, а голод так и достает, противный.

Вывод напрашивался сам собой: потому это одичавшее поле никто особо и не объедает, продукт на нем произрастает ни на что не годный. Вымахал большой да крупный, а толку с него меньше, чем с простой травы. Бамбук-то вон тоже никто не ломает кроме коал, да и то

лишь молоденькие ростки. Ну разве что к зиме кукуруза каких соков наберет дополнительно. И еще неизвестно, как вообще желудочный тракт подобную пищу переработает? А вдруг как засорится намертво? Или запоры вдруг образуются? И мучайся тут, на краю вселенной, неизвестно какое время. Опять-таки если за это время главные спонсоры экспедиции завершат свои божественные дела, наведаются в мир аделванов, а потом еще и сюда сумеют добраться.

Хотелось вначале выбросить недоеденный кусок в развалины, но жадность победила, и огрызок початка был вновь водружен в импровизированный вещмешок из куска прочной ткани. Но раз подобную пищу есть нельзя, то сразу встал актуальный вопрос: а что можно? Ответ на него бегал, плавал и нырял в речке и вдоль нее. Оставалось только подумать, как с имеющимся снаряжением выловить самое мелкое, что там проживало. Хотя бы ту же нутрию?

А раз так, то следовало сразу же и определиться: либо продолжить попытки поиска оружия, либо немедленно отправляться на охоту с чем есть. Но, как ни хотелось жареного мяса, археолог вовремя припомнил, насколько бывают опасны маленькие крысы, когда их атакуют. А чем нутрия по характеру отличается от крысы? Наверное, ничем. Да и укусы такого полуметрового грызуна царапиной не покажется. Не говоря уже о том, что они могут наброситься на человека всем выводком.

Про полутораметрового бобра вообще мечтать вредно. Про бегемота и заикаться не стоит. Ну а рыбу из реки банально нечем выловить. Так что ничего больше не оставалось, как возвращаться либо «домой» к отлаженной газовой плите, либо спешно отыскать новое подобное место прямо здесь.

Да только данная часть города оказалась уничтожена и разрушена чуть ли не больше всех остальных. Руины лежали почти ровным слоем, и только изредка кое-где торчал обломок наиболее толстой опорной стены. Здесь даже зевы откопанных бомбоубежищ не виднелись. Хотя костяков с лопатами в некоторых местах и здесь хватало. Особенно их много скопилось в одном месте, на западном склоне холма. Видать, аборигены собрались там раскапывать нечто ценное, а тут и смерть пришла. Скорее всего, атака излучением началась еще до того, как партии спасателей пробились наверх и соединились с идущими к ним навстречу.

С другой стороны, если бы удалось-таки пробраться в бомбоубежище, то там уж точно есть и газовые плиты, и запасы самого газа, и кое-какие сохранившиеся продукты. Только вот, рассматривая одно из мест с костями и кирками, землянин понял, что сам с таким сложным делом не справится: расчистку здесь перед трагедией только начали.

И пока Александр пытался осмотреться на вершине холма, мучился сомнениями и страдал от голода, к нему подкралась совсем иная, неожиданная беда. Желудок резко скрутила первая волна спазматической боли. Не успел от нее оправиться и отдышаться, как накатила вторая волна. Понятное дело, что причина такого недомогания могла крыться только в распроклятой кукурузе. На воду грешить было поздно. Ну и в распоряжении пострадавшего от местных злаков ничего не имелось дельного и облегчающего страдания, кроме старого способа хоть как-то облегчить желудок.

Два пальца в рот – и тяжелая неприятная рвота. Попытки исторгнуть из себя съеденное пользу некоторую принесли: порядочное количество плохо пережеванной кукурузы оказалось на земле. Когда и снизу уже ком в желудке образовался, Броди насильно влил в себя оставшиеся полтора литра воды, затем интенсивно попрыгал, покатался животом по стенке и минут через десять таких стараний повторил рвотный процесс. Еще одна приличная порция неперевариваемой пищи вышла наружу. Но воды больше не было, к тому же могло скрутить еще сильнее, боли-то не прекращались, хотя чуток и ослабли.

Поэтому требовалось срочно, бегом возвращаться в найденное жилище. Постановляющий археолог уже и движение начал в нужном направлении и только бросил прощальный взгляд на разрушенный город, реку, горы и...

И замер, поспешно вернувшись взглядом влево. Там, на пределе видимости, можно сказать, километрах в восьми, из развалин поднималась неровная, несколько жиденькая, но все-таки отчетливо видимая струйка дыма!

«Кто?! Кто подает сигнал?! – заметались мысли в отчаянии и в некотором радостном томлении. – Неужели кто-то из “моих”?! Или там само что-то загорелось? Никогда не поверю! В этом городе все, что могло, уже давно загорелось и выгорело до конца! А значит... Лариса?! Или Пузин? – Какое-то время он стоял истуканом, почти ни о чем не думая и не чувствуя вновь усилившихся болей. Потом все-таки попытался рассуждать трезво. – Да нет, Карл прекрасно знает основные сигналы, которые можно и надо подавать с помощью дыма. Лучше него никто этого не сделает, да и правильный костер лучше него даже индейцы не разведут. А что моя свет-Ярославна? Вот с ней уже сложнее, хотя и она пять основных сигналов знает и умеет подать. Сама мне пару раз хвасталась. Остаются еще Люссия и Михаил. Ну, лучший корреспондент в любом случае тоже догадалась бы обозначить простейший сигнал SOS, тем более она просто не могла провалиться отдельно от Пузина. Чувствую: они вместе. Значит, либо местные одичавшие жители себе ранний ужин готовят, либо наш Кормилец костерком балуется. При всем к нему уважении и страхе перед грозной богиней Пеотией, парню не всегда сообразительности хватает. Мог и тормознуть, посчитав, что самого костра хватит для привлечения нашего внимания... У-уй!»

Очередная волна боли заставила принимать решение немедленно. И так как двигаться в сторону костра по неизведанной дороге – дело слишком длительное (и до ночи не успеется), то пришлось срочно устремляться к уже мало-мальски обжитой берлоге. Там, по крайней мере, есть чистая вода, с помощью которой можно устроить более полное промывание желудка, да и лечь, отлежаться в покое. Тогда как здесь ничего больше не выстоишь и не вымотришь. А развести костер, да еще и с чем-то особо дымным, – задача явно не из скороспелых.

Обратную дорогу, передвигаясь вниз, бегом, да уже зная, где и что обходить, Александр Константинович преодолел за час. Но при этом настолько растряс свои внутренности, что они уже болели все и не переставая. Понятное дело, что заниматься готовкой каких-то круп он не стал, а просто опять в трех кастрюлях воду прокипятит. Да так и попил простой кипяточек, одновременно пытаясь исторгнуть из себя остатки злокозненной кукурузы. Да и вообще, что он только не вытворял с собственным телом!

Наверняка такие суммарные действия помогли: ближе к ночи боли утихли, а потом и вообще удалось преспокойно уснуть, не прислушиваясь ни к ночным шорохам ветра, ни к монотонному удару капель воды, которая стала просачиваться вниз после начала легкого дождика среди ночи. В этом деле повезло: место было выбрано грамотно, одеял хватало, и сырость к землянину не прокралась.

Ну а к утру он вскочил на ноги во вполне нормальном, пригодном к действиям и в жутко голодном состоянии. Болей не чувствовалось, желудок бурчал, требуя пищи, и ничего не оставалось, как заняться приготовлением того, что отыскалось на кухне накануне. Разве что в сам момент хмурого рассвета Броди выскочил наверх и попытался засечь по часам момент восхода. Получалось, что сутки здесь – примерно двадцать два часа, отчего землянину вроде как и ни холодно и ни жарко, но ведь как-то следует рассчитывать распорядок дня? Думать о том, что придется в этом мире провести остаток своей жизни, не хотелось, но подобные мысли все-таки время от времени да прорывались в сознание.

Каша сразу двух видов и некое подобие макарон приготовились быстро. И все три блюда оказались сравнительно съедобными. Но ел Александр на завтрак очень мало и осторожно. Все-таки сомнения в его душу кукуруза заронила немалые. А вдруг выходцам с Земли здешняя пища вообще противопоказана? Вдруг она приведет к отравлению в любом случае или к отмиранию некоторых наиважнейших органов? А печень-то всего одна! Да и целых две почки – это не повод относиться к ним наплевательски.

Поэтому умеренная диета, особенно на начальном этапе апробации, была признана самой целесообразной.

Ну а потом археолог приступил к сооружению достойных факелов. Благо у него теперь имелось и ткани предостаточно, и чем поджечь. А уж смолы на деревьях могло хватить для нескольких десятков факелов. Столько и не требовалось. Ну разве что на потом, на ночное время суток следовало заготовить.

Для проникновения в бомбоубежища хватало и четырех. Опасаться каких-либо хищников или даже крыс не приходилось. Если уж они до сих пор на глаза не попадались, значит, город от них чист. Да и следов, заставляющих быть настороже, не встречалось.

Два запасных факела прикрепил к поясу, два зажег и отправился к зеву ближайшего бомбоубежища. И уже на четвертом лестничном пролете вынужден был крепче сжать зубы. Очень уж неприятно женские мумии лежали одна за другой. Видимо, как раз собрались выходить единой колонной наверх, на помощь мужчинам. А в основных, пронизанных сыростью и скорбью помещениях и в самом деле виднелись мумии детей. Мал мала меньше. Сотни...

Скорее всего, непосредственно при бомбежке никто не погиб, все покинули свои жилища заранее. А вот при волне неизвестного излучения смерть настигла всех без исключения. Видимо, местный народ загодя и довольно хорошо приготовился к войне, вовремя сработала система оповещения, да и потом кто-то ведь дал отбой воздушной тревоги. Только ничто и никакие глубокие бомбоубежища детей не спасли. Да, в принципе, их родителей – тоже. Скорее всего, подобное произошло во всем этом мире, иначе за столько лет хоть кто-нибудь в этот город да наведалься бы.

Но помимо душевного расстройства Броди жутко омрачился после получаса безуспешных поисков. Мало того что здесь отыскилось довольно мало пригодных к употреблению продуктов длительного хранения, так и вообще не было даже какого-то намека на оружие.

«Вот уж настоящие пацифисты! – возмущался землянин. – И неужели в их среде не имелось уголовников или правонарушителей? Потому что только в таком случае можно понять отсутствие пусть даже народной милиции, сил жандармерии или более суровых военных подразделений. С кем же и как они воевали? Да и кто это устроил им подобный Армагеддон, уничтожив всех до единого? Неужели они сами что-то такое учудили? А что, вполне возможно: попытались не до конца проверенными лучами контратаковать неведомого противника, зависшего на орбите, да и сами при этом все вымерли. Скорее всего, и на противоположной стороне планеты разумных существ не осталось. Вот и получается: победителей нет, одни проигравшие».

Но теперь, когда лишний раз убедился, что оружия здесь нет, Александру следовало торопиться к тому месту, где он вчера рассмотрел дымный след костра. Проверять иные бомбоубежища – пустая трата времени, сил и нервов. Единственная польза от таких вот укрытий, что туда теперь можно всегда наведаться как за продуктами, так и за газовыми баллонами. Если болей после съеденных каш и макарон не будет, значит, проблема голода решится окончательно. А вот запасов воды в бомбоубежище практически не было. Та, что была, годилась к употреблению разве что при издыхании от жажды: ржавая, темная по цвету и неприятная на запах. В общественных местах о решетках и фильтрах из серебра явно не позаботились.

Только каши и макаронные изделия. Вегетарианцы здесь проживали, что ли?

Но жить можно.

«Разве что мяска захочется, – с ностальгией задумался землянин, с подозрением приглядываясь к каше. Есть хотелось страшно, но очередная порция опять была маленькой. – Ха! Да такими дозами люди и к ядам привыкают! Может, и я привыкну? Если раньше ноги не протяну!...»

Солидные порции варева он приготовился взять с собой. Решив, что если уж через четыре часа с ним ничего не случится, то можно будет сделать привал и изрядно подкрепиться. Воды

не поленился прихватить с собой сразу три стеклянные емкости. Хотя и неудобно, зато спокойнее. Иной тары все равно не было. Ну и подался в путь.

Правда, теперь держал направление через вершину левого холма, намереваясь избежать ненужного движения по дуге и заодно осмотреть другую часть руин. И пока добрался на вершину, вынужден был признать, что с его временной «берлогой» ему повезло невероятно. Ничего подобного вокруг не просматривалось, а если и оставались где нетронутые, законсервированные временем помещения, то они были наглухо завалены горами обломков. Соваться к ним – дело чрезвычайно рискованное. Уж это знаменитый археолог понимал прекрасно: рухнуть на голову в любой момент, мало не покажется.

На господствующей высоте сделал только короткую остановку, чтобы попить водички и лишний раз с радостью убедиться: струйка дыма так и висела на фоне белых облаков прекрасным ориентиром. А значит, точно кто-то подавал определенный сигнал или пытался указать свое местопребывание. Поневоле тело взбодрилось, походка стала быстрой и уверенной, и, когда позволяла возможность, Броди пытался перейти на бег. Правда, очень мешала лопата, которую он порывался бросить раз десять, но всякий раз рассудительность брала верх, и весьма неудобное оружие землекопа так и оставалось то под мышкой, то в руках, то уложенное на плечо. Хотя если постараться, то такую лопату, а то и лучшую, можно было отыскать возле горок белеющих костей, но всегда помнился закон подлости: как не нужна вещь – ногами пинаешь на каждом шагу. Как только понадобится – в радиусе ста метров ничего достойного не отыщешь.

Ну и приходилось довольно часто оборачиваться и посматривать на небо. Попасть на обед к летающему петуху ох как не хотелось. Но сегодня судьба от пернатого хищника с яркой раскраской миловала: над городом эти кровожадные птички так и не появились. А вот на фоне гор, где-то над рекой, пару раз огромные тени мелькали. Да оно и понятно: чего им над руинами летать? Сдуру только да от нечего делать. Вся основная пища в воде копошится и около нее.

Вот так и шел землянин – то на небо посмотрит, то на дымный след взглянет, стараясь не сбиться с пути.

А часа через четыре, поняв, что преодолел примерно две третьих пути, решил немного передохнуть. Да и голод к тому времени уже достал окончательно. Опасений в съедобности каши и макарон уже не оставалось, поэтому быстренько приговорил добрую треть своих запасов, запивая обильно водой.

«Что ни говори, а ноша станет легче, – мысленно усмехался Броди во время привала, не забывая и на небо посматривать, и вокруг себя руины разглядывать. – Да с другой стороны, кашу можно сварить в любом месте, была бы только вода с собой хорошая. Кстати, следовало бы и к реке спуститься да там воды зачерпнуть, хотя бы для визуального осмотра. Какое бы зверье там в ней ни плавало, после кипячения наверняка и для питья сгодится... Ладно, пора».

Только встал и сделал первые несколько шагов, как пришлось вновь замереть на месте по двум причинам. Первая причина – пропал дым костра. Но так как ориентиры уже давно были присмотрены, проблемы из этого делать не стоило: у того, кто поддерживал костер, тривиально могло не хватить того ингредиента, который и затемняет дым черной копотью. К тому же примитивно дрова могли кончиться.

А вторая причина – глубокая, взрылленная полоса земли впереди – напрягла намного больше. Такое впечатление, что кто-то совсем недавно, и явно уже после ночного дождика, здесь протянул за собой какой-то тяжелый предмет. Например, кусок бетона с торчащим из него обломком арматуры. Причем полоса начиналась от груды точно таких же примерно обломков и неровной линией уходила за ближайшую гору руин. При всем понимании такого простого действия, ни одной догадки о мотивах перетаскивания в голову не приходило.

«Если это сделал кто-то из “моих”, то наверняка в попытке соорудить некое жилище, но почему совсем недавно? Ведь дым костра виднелся еще вчера. Значит, человек бы, скорее

всего, поспешил к нему. А если они уже встретились, то в любом случае следовало бы разжечь костер еще больше, тем более со сдвоенными силами это гораздо легче сделать. Значит, действия “наших” могут в принципе иметь место, но весьма нецелесообразны. Рассмотрим теперь другие варианты. Может, это какой зверь здесь чудит? Тогда надо присмотреться к следам. Не тянул же он специально за собой обломок, чтобы замаскировать след?..»

Как ни странно, следов и в самом деле не обнаружилось. Ни человеческих, ни звериных. А пройдя осторожно чуть дальше, Александр заметил, что взрыхленная полоса доходит до зева бомбоубежища и ныряет именно туда. Медленно, продолжая оглядываться по сторонам, землянин приблизился к расчищенному входу и там уже замер окончательно. В глаза бросилась странная, слишком чистая полоска земли вокруг зева, а до слуха донесся неприятный треск костей и непонятный гул. Создавалось такое впечатление, что внизу кто-то перемалывает кости несчастных жертв на мясорубке.

Но впечатления к делу не пришьешь. Следовало взглянуть на все собственными глазами. И, сжав крепче лопату в руках, Броди стал спускаться по ступенькам.

Глава пятая

Карл Пузин и Люссия

Карлу Пузину и его возлюбленной Люссии и в самом деле повезло: они переместились из мира аделъванов вместе, держась за руки и собираясь в следующий момент прижаться друг к дружке. Если, конечно, можно назвать везением неожиданную телепортацию с планеты Миха совсем в иной мир и осознание себя в толще холодной, черной и мерзко пахнущей воды. Объятия, конечно, состоялись, но где?!

Полная темнота и рвущаяся в приоткрытые рты жидкость. Хорошо еще, что, осознав в последний миг нечто странное, с ними происходящее, мужчина и женщина успели в мире аделъванов резко вдохнуть и задержать потом воздух в легких. Поэтому сразу никто не захлебнулся. Да и потом оказалось, что до поверхности странного водоема всего три, максимум четыре метра. Вынырнули быстро, головами ни обо что не ударились и только чуть позже попробовали вдохнуть здешнюю порцию воздуха. Хотелось орать и ругаться нецензурными словами, но многоопытный археолог не позволил это ни себе, ни своей любимой женщине.

– Плыдем! Вперед! – моментально принял единственно верное решение Карл, чувствуя, как промокшая одежда начинает сковывать движения и тянуть на дно. – Если что, ложись на спину, я вытяну!

Но Люссия и сама лихо выгребала по-собачьи, почему-то глупо радуясь, что успела с себя снять все камеры и батареи в их комнате. Также стоило порадоваться, что плыть далеко не пришлось: через пяток метров ткнулись лбами в стенку из выщербленных и потрескавшихся кирпичей. Но уже придерживаясь за нее, интенсивно подались вправо. Тут тоже сравнительно подфартило: вскоре наткнулись на каменную лестницу, ведущую куда-то вверх, в полную темень.

Как только выбрались из воды, Пузин резко приказал раздеваться и сам стал помогать женщине стянуть прилипающие одежды. Уж он прекрасно знал, насколько важно мокрые одежды вначале хотя бы сильно выкрутить, потом они гораздо быстрее отогреются на теле и подсохнут.

Вначале «подсушил» стучащую зубами Люссию, потом принялся за себя.

С особой осторожностью снял и на ощупь положил чуть выше свой пояс с оружием и кинжалом. Старался, чтобы из карманов брюк и куртки ничего не выпало. Легкая курточка с карманами были и на Люссии, но вряд ли в ее карманах имеется что-либо кроме батареек или запасных мини-аккумуляторов к фотоаппаратам. Причем интенсивные действия при раздевании, выкручивании, а потом и одевании так мужчину разгорячили, что ни о каком ознобе и речи быть не могло. Больше волновало самочувствие влипшего в очередную неприятность личного фотокорреспондента. Она пока еще не пришла в себя окончательно, ругаться еще не начала, но паниковала уже солидно:

– Куда это нас забросило? Фу! До чего противно пахнет эта загнившая вода! Она мерзкая!... Мне холодно!

– А говорил тебе: сиди в Испании и никуда не рыпайся! – прикрикнул на нее знаменитый археолог. – Так что теперь помалкивай и начинай приседания! Ну! Живей, живей! Мне еще только твоей сопливости не хватало! И прекрати ныть. Телепорт сработал и перенес нас неизвестно куда. Но так как здешний приемник, а то и передатчик затоплен, значит, нам только и остается подождать, пока за нами нагрянет кто-нибудь из древних землян. Скорее всего, Пеотия нас быстро разыщет где угодно.

– А почему мы только одни сюда провалились? Где все остальные?

– Ха! Здесь только твоей подруги не хватает и моего старого друга. Мы что, на пикник прибыли? И вообще, не задавай глупых вопросов!

Но на Люссию напал нервный приступ говорливости:

– Чего это ты мне рот затыкаешь?! И что мы тут есть-пить будем? Здесь даже лягушек нет, дневного света не видно, отдушин и тех не просматривается, и... мне все равно холодно.

Уже нацепив на себя и куртку, и пояс с оружием, Карл обнял женщину и принялся ее интенсивно мять в своих объятиях, приговаривая:

– Не паникуй, дорогая, прорвемся! Сейчас по лестнице наверх прогуляемся, если в тупик упремся, с личными вещами разберемся. Потом подумаем и будем иной выход искать. Ну, согрелась малость? Ножки шевелятся? Тогда держись за полу моей куртки и не вздумай скатиться обратно в воду, ступеньки здесь достаточно скользкие. Лучше медленно восходить, но уверенно. За мной!

Дошли до первой лестничной площадки, после которой очередной марш сделал разворот. После третьего поворота идущий впереди мужчина радостно вскрикнул, почувствовав на лице дуновение более свежего воздуха:

– Ха-ха! Живем, моя прекрасная Лю, живем! Если не дверь наверху, то уж распахнутое настежь окошко точно отыщем. Поднажали! Плесень под ногами уже нам не грозит!

Еще через два пролета они, проскользнув в узкую щель между толстенными плитами, совершенно неожиданно для себя оказались под открытым небом. Что это небо ночное, понять было трудно из-за густых, низко нависших туч, но открытое пространство ощущалось всеми чувствами. Правда, громко кричать и радоваться в присущей ему манере Пузин не стал, перешел на шепот:

– Не отпускай мою куртку. – Сам он в это время осторожно прошупывал пространство перед собой и бормотал с одесскими интонациями: – И шо ми тут имеем?.. Шоб я так жил, но, кажется, оркестр нам приветственный марш не сыграет и салюты отменяются. И цветы под ноги не бросят. Правильно ты догадалась: и флажками никто махать не собирается. Развалины какие-то кругом. Совсем местные аборигены за телепортом не следят! Завтра же пожалуюсь на них, пусть уволят безответственных хранителей. Такое место запустили!.. Или у них тут заповедник?

Люссия прекрасно знала, что в заповедниках бывают ну очень дикие звери. И понятное дело, что ей сразу же послышался какой-то подозрительный шорох сзади.

– К нам кто-то подкрадывается сзади! И под ногами что-то хрустит!

Тотчас получила в другую руку увесистый булыжник и умный совет:

– Если спросят, как пройти к библиотеке, сразу вместо ответа выбивай зубы. Не ошибешься, студенты в это время крепко спят либо крепко учатся, а всем остальным полуночникам зубы не нужны. Ну... кроме нас, конечно.

– А если его зубы уже будут сомкнуты на моей шее?

– Постарайся отравить коварного зубастика своей кровью.

Вот так мило переговариваясь прерывистым шепотом, пара землян продвинулась метров на двадцать вперед и уткнулась в большие каменные блоки, которые валялись у остатков массивной стены. Отыскался и приличный закуток, куда они втиснулись спинами, прижались друг к другу и решили дождаться рассвета.

– Не было никакого смысла строить телепорт в мир, где царит полная темень, – рассуждал прославленный испанский археолог. – Да и без дневного прогрева мы бы сразу тут в ледышки превратились.

– Ага!.. Еще в глубине той вонючей лужи! – Женщина смотрела на мир более пессимистично. – И до утра все равно можем умереть от переохлаждения. Почему ты не разожжешь костер?

– Дрова под руку не попадались.

– Ну хотя бы зажигалкой посвети!

– А стоит ли? Во-первых, зажигалка еще сильно отсыревшая, может и не заискрить как следует; а во-вторых, вдруг огонек привлечет к нам невоспитанного, оголодавшего волчонка?

– Они боятся огня! – резонно возразила Люссия. – Так что волки нам не страшны.

– Ну да, огня они боятся. А вот огонька зажигалки – фигурки! Наоборот, спасибо скажут, что посветил. Да и хватит уже болтать. Советую сидеть тихо и прислушиваться. Еще лучше – заснуть, вдруг нам утром силенки пригодятся?

– Как ты себе сон представляешь в такой ситуации? Я ног уже не чувствую, и зуб на зуб не попадает.

– Значит, выбираемся на открытое пространство и начинаем интенсивно двигаться. Через час будем сухими... если куда в яму с водой не провалимся.

Греться все равно пришлось. Причем до рассвета это делали раз пять. Следовательно, ни о каком сне не могло и речи идти. Усядешься – сыро и холодно. А во время прыжков на месте как-то совсем в дрему не тянет.

Поэтому посеревшее небо на востоке откровенно обрадовало. Правда, опытный археолог несколько удивился при этом:

– Странно как-то светает. Не над горизонтом, а словно над головой непосредственно.

Но вскоре пришло понимание такого странного рассвета. Парочка находилась если не на дне горного ущелья, то уж в какой-то маленькой несчастной долине, зажатой со всех сторон близко подступающими массивными горами. Обрадовали деревья в самой долине вокруг развалин и кое-где на склонах. Сильно огорчили многочисленные кости и человеческие скелеты, которые и под ногами оказались, да и во многих местах, среди руин этого скорбного места.

В прошлые времена здесь была не то крепостца, не то большая башня с несколькими пристройками, не то храм с раскинутыми по бокам эспланадами. Теперь по оставшимся развалинам даже великому знатоку древностей казалось трудно определить, что здесь конкретно когда-то возвышалось. Но вот время бедствия, его тип и принадлежность разбросанных костей он определил чуть ли не на ходу, пока собирал сухие ветки и несколько приличных коряг в одну кучу.

– Не так давно это место разбомбили. Лет пятнадцать назад примерно. Причем при самой бомбежке никто не погиб. Наверное, отсиделись в подвале. Видишь, ни одной косточки нет непосредственно под рухнувшими стенами и сводами? А вот потом, когда все выбрались наверх, их чем-то из арсенала «мгновенной смерти» и накрыло. Мало того, здешние обитатели ну совсем на людей не похожи.

– Ну, это я и сама вижу, глаза имею, – фыркнула Люссия, тоже пытавшаяся интенсивно согреться сбором пригодного для костра материала. – Шесть конечностей – для этого ни антропологом, ни археологом быть не надо, чтобы сообразить: не братья они нам и не сестры.

– О! Раз шутить начинаешь, значит, не простудилась! Сейчас еще костерок разложим, отогреемся, высохнем окончательно и будем думать, как из этой задницы выбираться.

– Я кушать хочу! Лучше бы мы вчера сразу к столу уселись, первыми...

– Ну как тебе не стыдно меня разочаровывать? Мы в иной мир попали! Сами сподобились! А она только о презренной пище думает. Где твое духовное величие, где пафос познания и новых открытий?

– Поджигай уже! Балабол.

Вскоре парочка землян споро развешивала одежды на коряги вокруг большого кострища, отогреваясь телом и начиная ревизию наличествующих у них предметов. Карл начал с приведения в порядок имеющегося у него пистолета. Разобрал, почистил, вытер насухо, а напоследок перед сборкой смазал имеющейся у него в маленькой емкости смазкой. Причем емкость была из-под пахнувшей, согревающей мази азиатского производства, и фотокорреспондент вначале обрадовалась, когда ее увидела:

– Как здорово, теперь мне насморк не страшен.

– Больше двигайся, не спи на бетоне, вот и будешь здорова, – меланхолично посоветовал Пузин, нанося смазку на детали пистолета. – А этот солидол, нюхай не нюхай, ничем тебе не поможет.

Три запасные обоймы с патронами он тоже привел в порядок, надеясь, что ни один патрон не отсырел и в случае нужды не даст осечку. Его большой кинжал в ножнах мог пригодиться на все случаи жизни. Как и небольшой походный нож, который в закрытом состоянии висел в чехле на поясе Люссии.

Фонарик, а вернее, батарейки в нем и запасной комплект промокли и уже ни на что не годились. У корреспондента оказалось сразу шесть герметически упакованных подобных батареек, но и с ними фонарик работать не захотел: следовало разобрать его вначале полностью и прочистить от остатков той гнилой, ржавой и черной воды, в которой пришлось поплавать ночью. Это действие археолог отложил на вторую половину дня. Потому что на первую у него была поставлена задача: найти пригодную для питья воду и нечто питательное для желудка. Желательно нормальные продукты питания. Ну а раз человекоподобные создания здесь жили, значит, и метаболизм должен быть примерно одинаков. Поэтому надо первым делом отыскать кладовку этой крепостцы.

Из полезных предметов у землян еще имелись перевязочные пакеты, аптечка скорой помощи, два набора инъекций самого широкого спектра, два накрывшихся после купания мобильных телефона и небольшая кучка всякой бытовой, но не всегда полезной при данных обстоятельствах мелочи.

Практически сразу Пузин обнаружил как имеющуюся из этого места дорогу, так и возможную опасность для людей. От гипотетического входа в разрушенное строение вело вполне сносное покрытие из каменных плит. Упираясь в конце небольшой долины в ущелье между горами, оно сразу давало понять, что ущелье проходимое и, скорее всего, выведет на большие пространства. Несколько завалов и оползней на дороге не могли бы намертво закупорить проходимость узкого ущелья.

А вот опасность представляла тень какой-то огромной птицы, мелькнувшей именно в створе рассматриваемого издадека стыка между гор. Хорошо рассмотреть, а уж тем более распознать пернатого представителя здешней фауны не удалось, но вот остерегаться теперь следовало постоянно. Наверняка такая огромная птичка питается не только сосновыми шишками. А к данным руинам не навещается в гости лишь по причине скудности предоставленного охотничьего ареала. Сколько земляне ни присматривались – больше ни одного животного они не обнаружили. Да и несколько фруктовых деревьев, которые тут произрастали, чудом оставшихся на корню после бомбежки, только и могли порадовать непритомливого путешественника одичавшими, кислыми яблочками среднего размера. Яблочками сразу объедаться не стали, только Пузин мужественно попробовал половинку, приговаривая при этом:

– Кто-то должен быть первым. И хоть настоящий джентльмен обязан пропустить даму, но ты, я думаю, не будешь возражать против моей апробации?

Глядя, как он пережевывает и кривится от кислоты, Люссия кривилась сочувственно еще больше:

– Твой желудок и так испорчен неправильным питанием. Может, не стоит жевать всякую гадость?

– Мм?.. Да вроде на вкус оно... привыкнуть только надо... годика три.

Некий инструмент, в том числе и ломы, они отыскивали возле останков прежних обитателей долины. При этом мэтр археологии присмотрелся к костям более пристально и в итоге констатировал:

– А ведь здесь ни одного мужчины! Одни женщины!

Фотокорреспондент пошутила:

– Видать, мужчины все вымерли после поедания местных яблочек?

– Сплюнь, а то сглазишь! И останешься одна, – пригрозил Карл. После чего отвалил в сторону очередной камень, разочарованно хмыкнул и озадаченно поинтересовался: – Тебе не кажется, что здесь было нечто вроде женского монастыря?

– Кажется. Похоже, и здесь женский пол был не прочь отыскать для себя места тихие и спокойные.

– Ага, ага. Чтобы потом в уединении предаваться своим грезам о принце на белом коне. Ты вот лучше подумай, где здесь может быть кухня?

– Только ближе к выходу и к питьевой воде.

– Ну да, ну да. Еще бы разобраться, где здесь выход и где здешний колодец.

Естественно, что если колодец имелся в подвальных помещениях, которые издавна затоплены, да еще и рядом с кухней да кладовыми продуктов, то, скорее всего, придется нынче и обедать кислыми яблоками, и ужинать ими. Но прославленный археолог умел только по одному виду руин воссоздавать мысленно перед собой те действия, которые происходили в древней истории. А здесь как бы и времени прошло совсем ничего: два десятка лет – это не тот срок, чтобы все смыло дождями или занесло начисто лавинами.

И больше рассуждая вслух, чем советуясь с личным представителем прессы, Пузин стал планомерно обходить развалины по периметру и присматриваться к ним, то издалека, то с близкого расстояния.

– Если здесь прошла бомбардировка, то где воронки? А нет их, ни одной нет. Если били снарядами или ракетами, допустим, с вертолетов, то и тут без воронок не обойтись. А что получается? Отчего так основательно все стены разрушены?

Помалкивающая, ходящая за ним хвостиком Люссия не выдержала, выдав свой комментарий:

– Оттого что мужчины позавидовали уединившимся женщинам, ну и решили нарушить их покой, ломая сюда преогромным стадом. Да при этом маленько перестарались.

– М-да! Вот она, женская логика: можно подумать, что мужчинам больше делать нечего, как ломать стену вокруг свихнувшихся мозгами женщин. Ха-ха! Самые ласковые и податливые подруги сами в эту мрачную долину не попрутся. А тех, кто сюда сбежал, наверняка ласкать желающих не нашлось. Тут дело в ином: взрывы происходили прямо в воздухе, на высоте нескольких десятков метров над землей. А потом уже взрывная волна сносила любые стены и перекрытия. Постройка-то стояла здесь веками, сразу видно – не одно землетрясение пережила. Но все равно рухнула.

– И зачем было все рушить? Почему сразу не применить «мгновенную смерть»?

– Вот это и озадачивает. Как и тот факт, что не могу понять, где кухня. По логике, должна быть здесь, но тут только сплошные руины. Тогда как напротив – остатки башни, которая так и просится называться аналогичной. Верно?

После тщательного осмотра и краткого процесса раскапывания обломков стало понятно, что крыло-башня не просто разрушилось, а рухнуло в глубины, как раз туда, где находились солидные по объему подвальные помещения. Стены и перекрытия сложились внутрь, и все сровнялось с землей, поэтому что-то толковое откопать в том месиве обломков и нанесенной за годы грязи было бы делом нереальным. Только и сумели отыскать, что жалкое подобие смятой жестяной миски. Вот и вся оставленная для археологов посуда. Сверху, по крайней мере.

Конечно, имея под руками технику или боевого киборга цорков, парочка землян за полдня отыскала бы и запасы пищи, и жилье для себя временное оборудовала. Но чего нет, того нет! Следовательно, везучий мэтр археологии принял решение спуститься с факелами в тот самый подвал, откуда они «выплыли», и хорошенько там осмотреться. Могли в темноте и боковые ответвления с лестницы пропустить.

Увы, ответвлений не было. Именно толща скального грунта не дала провалиться стенам вниз, да и сам выход располагался чуть ли не в стороне от основного рухнувшего строения.

Потому в свое время отсидевшиеся при бомбежке особи женского пола довольно легко выбрались на поверхность.

Факелы Пузин соорудил хоть и массивные, но зато дающие много света. Но даже этот неверный отблеск не смог высветить как глубину грязной, явно испорченной затхлостью воды, так и виднеющейся цепочки уходящей в темень анфилады сводов. То есть данное затопленное в глубину метров на пять помещение было не единственным. В сторону ближайшей горы древние соорудили шесть, а то и более подобных помещений, растянувшихся одной линией. Скорее всего, здесь когда-то пещеры имелись, вот их и использовали для нужд монастыря.

– Хорошо, что мы туда не поплыли, когда вынырнули! – запоздало обрадовалась Люссия. – Так бы за первой аркой и булькнули на дно.

– Повезло! – согласился Карл. – Да только плыть нам туда все равно придется. Или мне самому.

– Шутишь?

– Нисколько. Плот соорудим, я и поплыву. Ну не верится мне, что там нет ничего интересного! Смотри, и расстояние под арками позволяет лежа протиснуться.

– Может, не стоит? – сомневалась женщина. – Давай лучше прямо сегодня отправимся через ущелье и посмотрим, что там делается. Вдруг там города разумные, нормальная еда и вода?

– Очень сомневаюсь, что на обжитые пространства мы выберемся за несколько часов. Так что надо тут хорошенько покопаться. Хотя бы до сегодняшнего вечера. И воду надо найти в первую очередь. А вот когда переночуем, тогда и посмотрим, как дальше быть.

Люссия со своим факелом быстро развернулась и стала уходить из этого неприятного, жутко сырого загнивающего места, когда услышала:

– А стволы деревьев будем собирать и сносить сюда все время. Думаю, что для меня одного небольшого плота хватит.

Так они в течение парочки часов и работали: искали воду, таскали высушенные за годы стволы деревьев, рвали траву и энергично плели из нее прочные веревки для связывания плота. И при этом по поверхности ходили только парой, часто посматривая на небо: огромная птица не давала археологу покоя. Ну разве что в подвал Люссия порой сама стаскивала небольшое бревно, попутно подкладывая «корм» для расставленных на каждом лестничном повороте факелам-чашам с огнем. Родник, а вернее разрушенный колодец, отыскивали метров за двести, в густой высокой траве возле откоса горы в дальних тылах здешней обители. Когда-то там стояла башенка или домик, вода скапливалась в маленьком бассейне и дальше уже по трубе попадала в монастырь. Когда все рухнуло, вода еще какое-то время лилась в подвалы, потом труба засорилась окончательно, и колодец работал сам на себя: жидкость в бассейне собиралась, но дальше просачивалась меж камней, уходила в сторону и проваливалась в землю уже на расстоянии метров двадцати от источника.

– Вот из-за этого мы чуть и не захлебнулись при переносе сюда, – когда напился и отдышался, констатировал Пузин. Люссия утолила надоевшую жажду чуть раньше, разомлела, но хуже сообщать об этом не стала.

– Тогда почему вода из подвала не ушла? Ну никак не поверю, что строители не продумали какие-то дополнительные стоки на случай затопления.

– Продумали, наверное. Да только и там могло и забиться, и от ударов да сотрясений что-то сместиться. Вот поплыву в конец анфилады, может, чего дельного и высмотрю. Ведь убрав воду, мы получим реальный шанс для обратного переноса в мир аделъванов.

Корреспондент выдала свою фантазию:

– Жаль, что телепорт сам не срабатывает от... допустим, просто веса. Тогда бы вся вода сама пролилась вниз, и...

– Ага! И вся эта масса гнилой воды вымыла бы из того дома как все наши вещи, так и наших коллег, переживающих после нашей пропажи.

– О! А почему же пока никто из них за нами следом не провалился?

– Ответ прост: Санек никого больше в нашу комнату не впустит до выяснения всех деталей и подробностей. Скорей всего – до возвращения Пеотии. Он же не дурак, чтобы пытаться обниматься с Ларисой возле наших матрасов в целях следственного эксперимента.

– Мм? А если обнимутся?

– Не путай его с зеленым практикантом! – обиделся Карл за своего старого друга. – Напи-лась? Тогда бери вон ту корягу, и за мной. И на небо не забывай поглядывать.

Сам подхватил бревно раза в три большее весом и пошел впереди. Вслух он при этом высказывал подозрения, что с данного часа этот отрезок в двести метров станет для людей хорошо натоптанной и часто проходимой тропой. К сожалению, пока отыскать какие-либо уцелевшие емкости не получалось, так что придется ходить часто. Но зато вопрос с питьем отпал окончательно.

У входа в подвал мужчина, снимая куртку, пропустил даму вперед со словами:

– Корягу в самый низ не неси, оставь на второй от воды площадке.

А ему с бревном пришлось немного повозиться: слишком длинное да еще изогнутое в дугу. Так что на поворотах лестничных мершей оно цеплялось за свод да за стены. Еще и горящие факелы следовало не затоптать да не потревожить. И как раз на третьем развороте ушей Карла и достиг испуганный визг Люссии:

– Сюда, сюда! Быстрее!

А когда мужчина домчался до последнего поворота, где корреспондент стояла, она ткнула рукой в воду:

– Там кто-то есть!

Второй рукой она разжигала уже второй факел, но и без него было видно, как черная тяжелая жидкость волнуется от расходящихся кругов. Причем круги шли примерно с того места, где не так давно и сами земляне вынырнули на поверхность. Секунда напряженной паузы – и удалось расслышать полустон, полувсхлип, сопровождаемый легким всплеском.

Люссия не удержалась от вопроса шепотом:

– А вдруг Санек сглупил?

Этот вопрос решил все. Как Пузин ни был уверен в рассудительности друга, тот мог и в самом деле начать какие-то эксперименты, и вполне возможно, что сейчас захлебывается в воде. За несколько секунд он сбросил с себя и пояс, и ботинки, и брюки с рубашкой. И уже в прыжке с последней ступеньки крикнул:

– Свети факелами!

Наверняка добавочное освещение помогло. По крайней мере, эпицентр расходящихся кругов был определен точно. И никто там, кроме «своих», появиться в этом мире не мог. Отправился следом за парой и, скорее всего, захлебнулся в незнакомой обстановке. Ну а так как глубина в пять метров для такого умельца преградой не являлась, Пузин нисколько не сомневался, что успеет вытащить на поверхность кого угодно. Хоть Кормильца, самого массивного и тяжелого в составе экспедиции.

Единственное, чего он жутко подспудно боялся, так это нащупать рукой разъявленную крокодилью пасть. А то и чего похуже. Фантазий у него на эту тему хватало.

Но пальцы неожиданно нащупали жгут густых и длинных волос. Именно волос! Ни в коем случае не шерсти!

«Уже легче! – метались мысли в голове у археолога, пока он наматывал волосы на кулак, второй рукой нащупывая, скорее всего, плечо и оголенную женскую шею. – Женщина?! Лишь бы намертво не захлебнулась, иначе не откачаем!»

Пока всплывал, а потом буксировал тело к ступеням, досадовал на глупость Броди и разгильдяйство членов экспедиции. Если вспомнить, что у Ларисы волосы были короткими, то, значит, сюда попала наверняка Ирена. Но кто ей вообще разрешил входить в комнату Пузина?

К тому времени на ступеньках и на стенах вокруг них горело уже три факела. Так что проблем с выносом тела на первую площадку и началом реанимационных действий по оживлению не возникло. Человека следовало спасать немедленно и со всем напряжением сил. И только краем сознания удавалось спасателям осознать, что женщина одета совершенно несообразно моде и вообще совершенно им не знакома.

Спасать утопленников Карл и Люссия напрактиковались еще в подземельях Харди. Выдавить часть воды. Затем интенсивное дыхание рот в рот, и при этом ритмичное сдавливание диафрагмы с частичными толчками в районе сердца.

Результат не замедлил сказаться: струя черной жидкости исторглась изо рта спасенной, а тело забилося в конвульсиях и судорогах. Но это уже были судороги оживления, а не смерти.

Женщина перевернулась на бок, попыталась встать на четвереньки, заходясь при этом в страшном, забирающем все силы кашле. Ее поддерживали со всех сторон, с некоторым удивлением рассматривая как само платье утопленницы, так и многочисленные украшения. Даже мокрое, грязное и неприятно пахнущее платье смотрелось немыслимо роскошно и богато. В таких обычно выходят на большую сцену звезды Голливуда при вручении им «Оскара». На пурпурной ткани золотые и серебряные нити создают странные узоры, спина почти открыта, но на плечах скомканные крылышки и бутафорные наставки. Длина – до самых пят, потому и трудно было начать всплытие. Ну и драгоценности наверняка тянули ко дну: несколько брошей в спутавшихся волосах, массивное кольцо на шее, многочисленные браслеты на руках (по десятку на каждой) и на ногах (не меньше чем по пять штук). Широкий пояс с какими-то карманчиками и застежками. Плюс еще и полностью закрытые туфли на среднем каблуке.

Первой разглядывание закончила Люссия. Но при этом обратила внимание на успокаивающие поглаживания мужской руки по спине спасенной.

– Может, хватит ее гладить? Дырку протрешь!

– Ну так... – немного растерялся от такого напора Карл.

– И чего это ты так ей усиленно дыхание искусственное делаешь? Не иначе старая знакомая? Но Пузин уже пришел в себя, обретая присущее ему чувство юмора.

– Тьфу ты! И сам этой мерзости наглотался! – Он непроизвольно вытирал и в самом деле дурно воняющие и грязные губы не менее грязной рукой. – Надо было тебя заставить ей дыхание делать. Был бы у меня прекрасный повод обзывать тебя анонимной лесбиянкой.

Кашель неизвестной женщины как раз прекратился, и хорошо слышалось натужное, постепенно восстанавливаемое дыхание. Так что корреспондент отбросила беспричинную ревность и выдала с самого начала мучивший ее вопрос:

– Откуда она такая... взялась?

– Если бы нас спасли четырехрукие аборигены, они задали бы точно такой же вопрос по твоему поводу. И уверен, получили бы от тебя не только рифмованные ответы. Так что давай и мыждемся, пока наша гостья заговорит.

Они одновременно оглянулись на воду, и Люссия озвучила мысль:

– Вдруг она не одна сюда... «пришла»?

Карл не был циником, но сейчас развел руками:

– Поздно. Если там кто-то еще утонул, мы его или ее уже не откачаем. – Затем взглянул на спасенную. – Да и она ни за кем в воду не рвется. Значит, можно сделать вывод: была одна. Хотя, по логике, эдакий носильщик драгоценностей никак не может передвигаться без охраны. Не удивлюсь, если потом выяснится, что она была если не в короне, то как минимум с дорожкой диадемой на голове. Ну?.. Чего ты задумалась? Толкай ее в плечо и спрашивай. Или мне опять продолжить поглаживания?

– Обойдешься! Хотя мне и не жалко... – Землянка аккуратно сжала плечо спасенной женщины. – Эй! Ты меня слышишь?

Та поняла, что обращаются к ней, попыталась продвинуться вперед, но в таком платье ползание на четвереньках невозможно. Поэтому просто села, откинула свои слипшиеся черные волосы на спину и внимательно попыталась осмотреть своих спасителей снизу вверх. Только теперь, несмотря на бурые разводы на коже, удалось рассмотреть изумительной красоты лицо женщины, примерно двадцати-, двадцатипятилетнего возраста. Причем красота была не только поверхностная, а и глубинная, о которой говорят: «породистая и за века усовершенствованная».

Люссия добавила в голос строгости и задиристости:

– Кто ты такая и откуда здесь взялась? А-у-у! Ты меня понимаешь? Хоть не молчи, скажи что-нибудь. Мы ведь очень много языков знаем, может, чего и поймем.

Но женщина в ответ только скривилась и пожала плечами в естественном жесте непонимания. Потом, прокашлявшись, заговорила высоким гортанным голосом. Слова неслись сплошным потоком и напоминали абракадабру. Но опять-таки, даже такой знаток современных и древних языков, как Пузин, лишь недоуменно помотал головой:

– Где-то проскакивают частички венгерского, но именно что частички. Да иного и ожидать не стоит, если она из другого мира. О, смотри, как своей диадемой обеспокоилась!

Незнакомка и в самом деле слишком живо и экспансивно стала тыкать пальцем то на свои украшения на шее, то на свой рот, то на уши.

– Хм! Знать бы еще, чего эта интуристка от нас хочет и чего так волнуется? Вроде как помыться намеревается?.. Ну тут я с ней полностью солидарен! Пора и нам купание устроить. Только вот познакомиться хотя бы тоже надо. – И весьма понятными во всех мирах жестами стал тыкать в грудь, называя себя первым: – Карл! Я – Карл. Это – Люссия. Понятно? Люссия! Карл. Люссия. А ты?

Женщина вначале повторила услышанные имена и только потом назвала свое. Вполне звучное и милое, с ударением на первом слоге:

– Аника!

– Аника?! Как здорово! А сейчас, Аника, давай поднимайся и двигаемся наверх. Да-да, туда! – Он тоже потыкал пальцами в сторону свода. – Там у нас вода, нормальный костер и все остальное.

Под нахмуренным взглядом Люссии он помог Анике подняться на ноги, подхватил свои вещи и первым устремился к поверхности. При этом думая только об одном:

«Вот он, контакт с другой цивилизацией! Но как нам понять друг друга? Все переводящие устройства остались в мире аделъванов... Хотя, если обе стороны будут стараться, за неделю мы общий язык найдем. Наверное».

Глава шестая

Бродяга-домушник

Михаилу Степановичу Днепрянскому, или, как его называли по старой привычке в экспедиции, Кормильцу, повезло больше всех. Он оказался в целом, можно сказать, роскошном поместье, которое, в свою очередь, располагалось в глухом заповедном бору. Гигантские деревья подступали вплотную к невысокой, всего лишь по грудь, каменной ограде и своими длинными ветвями заметно перекрывали дневной свет.

Но это было уже рассмотрено потом, когда настал день. Вначале Миха не слишком-то и понял, что произошло. Готовясь к обеду в комнате третьего этажа, он наклонился и стал поднимать свой рюкзак с личными вещами и массой других полезных мелочей, но тут неожиданно вокруг резко потемнело, пол покачнулся, и здоровяк потерял равновесие. Да так и завалился на свой же рюкзак, стараясь после этого перекатиться на бок, а потом и на спину.

– Что за глупые шутки?! – возопил он, опять нащупывая свои вещи и пытаясь подняться на ноги. – Кто выключил свет?! Эй! Кто меня слышит?!

Вот так, стоя на коленях и вцепившись непроизвольно в рюкзак, Кормилец попытался прислушаться к ответам на свои вопли. Но за несколько минут не раздалось ни отзвука, ни отблеска света не мигнуло. Все еще думая, что он находится в той же комнате, у которой наглухо закрыли окна и двери, Михаил попытался нащупать некоторые остальные свои вещи. Но ни надувного матраса с одеялами, ни раскладного стола со стулом рядом не оказалось. Да и пол на ощупь показался совершенно другим, чем прежде.

– Где это я? Куда меня забросило? – бормотал здоровяк, встав на ноги и осторожно двинувшись в наугад выбранную сторону. – Неужели Пеотия пошутила? С нее и не такое станется. Занесла меня в какую-нибудь... хм... спальню, и сейчас зажжется свет, грянет музыка... и будет очень смешно.

Но смех не наступал, оркестр не звучал, и свет не собирался зажигаться. При всем при том, что он знал о своей неожиданной возлюбленной, Михаил успел разобраться очень хорошо в одном: так долго шутить и прятаться игривая богиня просто не умеет. У нее выдержки не хватит. Следовательно, и о причастности Пеотии к данному перемещению можно не задумываться.

Добрался до стены, осознавая, что помещение сухое и теплое и даже имеющее некое подобие мебели. Затем, обходя эти некие подобия комодов или сервантов, добрался до окна. Привыкшие к полной темноте глаза смогли где-то наверху различить слабое пятнышко на сплошном черном фоне. После чего пришло понимание: за окном не только сплошная ночь, но и сам господин Днепрянский, полный и беспробудный идиот. Ведь в его рюкзаке чего только нет: от зажигалки и отлично действующего фонарика с запасными батареями до оружия, а он, позоря племя сообразительных археологов, бродит по темному помещению с вытянутыми вперед руками.

– Тьфу! И в самом деле, что-то у меня с мозгами. Пропали куда-то. Хорошо, глаза не выколол. А то бы и без зрения остался.

Рюкзак никуда не пропал, и вскоре уже луч фонарика освещал то место, куда провидение забросило недавнего практиканта, а ныне всемирно известного на Земле человека, баловня одной из самых сильных и прекрасных долгожительниц Хардийской империи. И фактически исследования продолжались до самого рассвета.

Особняк на два этажа, плюс один подвальный (точнее сказать – шикарная вилла), имел в общем перечне малую и большую столовые, громадный холл, восемнадцать спальных комнат, пятнадцать ванных комнат, некое подобие сауны, огромный бассейн в крытом зимнем саду, две

внушительные кухни, десяток кладовок и несколько холодильных камер. Ну, холодильными они были очень давно, и за пару десятков лет продукты, в них хранившиеся, превратились в черные ссохшиеся груды чего-то непонятного. Даже рассматривать эти останки было неприятно, а уж принюхиваться и подавно! Кормилец вскрыл только одну герметичную камеру, а остальные разглядывал сквозь толстые оконца.

Ну и если бытовые предметы, украшения и детали интерьера только выглядели как-то странно, несколько непривычно для любого землянина и могли все-таки иметь место на родной планете, то ссохшиеся мумии местных аборигенов сразу подтверждали, что попал Михаил в совершенно иной и незнакомый ему мир. Почти три десятка мумий четырехруких существ разного пола и возраста было отыскано в самом здании, а потом почти десяток на заросшем густым кустарником подворье, в гаражах с автомобилями и в нескольких хозяйственных пристройках. Отчего и как умерли аборигены, имеющие пятнадцать пальцев на четырех руках, понять было невозможно, хотя сомнений не вызывало одно: все они погибли одновременно и совершенно не предвидя опасности. Кто где шел, там и упал, кто что делал – над той работой и завалился. Хорошо еще, что в момент всеобщей гибели не случилось возгорание, а то бы пожар наверняка уничтожил строение вместе с порталом.

«Не иначе как пространство этого дома пронзили всепроникающие лучи, – размышлял Кормилец, озадаченно почесывая затылок. – Но тогда остаточная радиация может до сих пор витать в этих стенах. А я тут брожу как неприкаянный».

К счастью, его в поход в большей мере собирала именно Пеотия, подсунувшая своему любимчику в рюкзак и уникальное оружие, и несколько особо ценных, компактных устройств. Все это имелось и в общем пользовании руководства экспедиции, но для своего избранника долгожительница не пожалела отдельный комплект подарков. Еще и проинструктировала отдельно: «Если вот эти устройства сами начнут сигнализировать об опасности – немедленно с того места уходи!»

Устройства работали в автоматическом режиме и могли засекать опасную для человека радиацию, ядовитую атмосферу и опасную для питья воду. Все три анализатора здоровяк навесил на себя и еще раз обошел с ними весь дом уже после рассвета. И ничего опасного для своего брэнного тела не обнаружил. Поэтому с рассудительной деловитостью вначале напилсь найденными запасами воды, а потом приступил к готовке пищи, благо последней в поместье оказалось более чем достаточно. Она не просто хорошо сохранилась в своем большинстве, но ее еще было так много, словно местные обитатели готовились сидеть в блокаде минимум год. Приготовленную еду тоже проверял своими устройствами, после чего безбоязненно ел все и много. Смысла поститься или сидеть на диете попаданец в иной мир не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.